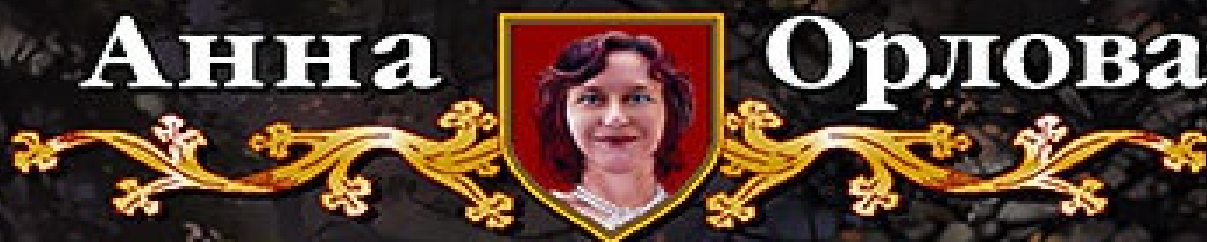

Анна Орлова

Поймай меня, или Моя полиция меня бережет

Не пойман — не некромант!

Annotation

Грабитель и некромант по кличке Кукольник раз за разом оставляет полицию с носом. На его счету дерзкие кражи, незаконное поднятие зомби и даже похищение незабвенной мадам Цацовой. Неужели ему все сойдет с рук?

Домовой Анна Стравински и следователь Мердок готовы сделать все, чтобы Кукольник получил по заслугам. Ведь наша полиция нас бережет!

Анна Орлова

Поймай меня, или Моя полиция меня бережет

– Моя не понимать! – тупо твердил зомби, покачиваясь возле раскуроченного банкомата. – Приказ. Моя исполнить!

И он ткнул себя кулаком в грудь, отчего медная пластина на ней загудела. Вообще-то кроме алхимических символов там должно было стоять имя некроманта, но этого мертвяка подняли явно не слишком законопослушные граждане, которые позаботились о том, чтобы не оставить после себя лишних улик.

– Кто приказал? – вздохнув, еще раз попробовала я.

– Хозяин! – послушно, но абсолютно неинформативно ответил зомби.

Фу, как же муторно допрашивать мертвых! Нас этому, само собой, учили. Только как по мне, для этого нужны или особые способности, или напрочь вывихнутые мозги.

Я промучилась с ним добрый час, но так и не выяснила ни примет, ни обстоятельств, ни даже имени загадочного хозяина. Хотя другого не стоило и ждать. За Кукольником, как его прозвали в газетах, наши гонялись уже без малого месяц.

Кукольник умудрился делать зомби очень похожими на живых людей. Даже постовые не могли с ходу их вычислить, а у них глаз наметан! Мертвые куклы грабили банки или, как этот, тупо выдирали банкоматы «с мясом». Спланировано все было мастерски. Настолько, что мой зомби оказался первым, кого поймали за руку.

Теперь мне светила как минимум премия.

Хотя я не обольщалась – мне попросту крупно повезло.

Я проводила с семейством горных троллей разъяснительную работу о вреде пьянства: те с перепою вспомнили традиции предков и попытались силком напоить соседку, призывавшую их к порядку. В общем, вечер выдался тот еще. Зато тролли засекли странного человека у банкомата, а потом под моим руководством его и заломали...

Теперь мы сидели в кухне тех самых троллей. Кофе в стоявшей передо мной чашке давно остыл (на адреналине спать совсем не хотелось), и я тщетно пыталась добиться от тупого мертвяка хоть чего-то путного.

– Бесполезно, – наконец простонала я и уронила голову на руки.

– Рад, что вы это понимаете, домовой Стравински, – раздался сзади знакомый бархатистый голос. – Ваше рвение похвально, но, очевидно, чрезмерно.

Меня словно ледяной водой окатили.

– Следователь Мердок? Что вы тут... какими судьбами?

Высокий темноволосый мужчина в идеально отглаженном костюме светски улыбнулся и склонил голову.

– Полагаю, вашими молитвами, Стравински! – хмыкнул он, обходя по кругу замершего зомби. – Соседи вызвали.

И кивком указал на несостоявшуюся жертву тролльского угощения, за спиной которой возвышалась колоритная мадам Цацуева – пламенный борец за справедливость. Бабка Марья чуть ли не подпрыгивала от любопытства, зато мадам Цацуева отчего-то выглядела бледной и напряженной.

Я мстительно прищурилась и одернула форменную юбку. Ничего, я им все припомню, не будь я домовой!

К слову, домовой – это не раса, а должность. Надзираю за порядком и соблюдением

правил добрососедства в нескольких десятках домов.

– Благодарю, домовый Стравински. В ваших услугах я более не нуждаюсь, – рассеянно бросил следователь, заставляя зомби открыть рот. И что он там ищет?!

Но приказ прозвучал недвусмысленно, пришлось убираться восвояси. Прощай, премия! Прощай, подарок бабуле. А я так хотела преподнести ей новую пепельницу... уже и череп почти выпросила!

Старой служили останки моего непутевого папаши, но это уже совсем другая история...

Проснулась я рано. Точнее, с огромным трудом разлепила глаза под аккомпанемент доносящегося с первого этажа пения и грохота кастрюль.

Я нащупала на столике будильник, всмотрелась в расплывающийся циферблат... и со стоном уронила голову на подушку. Полвосьмого! Придушу сестренку!

Спать дальше под фальшивые завывания снизу я не могла, так что пришлось находить на ощупь халат и спускаться вниз.

– Роза! – окликнула я улыбающуюся брюнетку, которая в темпе вальса порхала вокруг дымящегося котла, по одному бросая в него какие-то подозрительные косточки. – Сколько можно тебя просить! Не устраивай шабаши по утрам, а?

– Ой. – Роза (точнее, Розамунда, но это имя она терпеть не могла) прикрыла ладошкой ротик и выронила кости в котел. Плюхнуло, плеснуло ядовито-розовым, и завоняло тухлятиной. – Ну вот! Ты все испортила!

Прекрасные глаза Розы набухли слезами.

Я махнула рукой – все равно ее не переделаешь, неисправимый жаворонок! – и принялась варить себе кофе. Запах мне не мешал – и не к такому привыкла. В лежбищах упырей вонь похлеще, а я к ней еще на стажировке принялась.

Роза надулась, но я не собиралась каяться. Просила же – до девяти никакого волшебства!

– Ну у меня вдохновение! – чуть виновато объяснила она, распахивая форточку. – Ты же знаешь! Нам вчера задали такую скучищу! А я подумала, что можно кое-что подправить... и вот!

Она кивнула на «присмирившее» зелье, которое теперь источало шоколадный аромат и выглядело подозрительно розовым, как клубнично-сливочный мусс.

– Ага, – кивнула я, переставляя турку на подставку. – И почему-то обязательно утром!

– Ну-у... – Она опустила долу дивные зеленые очи и попыталась изобразить сущую невинность.

Мужчины верили. Я же знала сестренку (если быть точной – единоутробную сестру) все ее семнадцать лет, а потому иллюзий не питала. Увлекающаяся она натура, в отличие от меня. Хотя мне и лет побольше – двадцать пять недавно стукнуло.

Впрочем, мы вообще являли собой противоположности. Она – жаворонок, я – сова. Она – жгучая брюнетка с зелеными глазами, я – голубоглазая блондинка. Она – будущий дипломированный фармацевт-зельевар, я... Но об этом я уже говорила.

– Да! – вспомнила Роза. – Тебе же посылка! От тако-о-го очаровашки!

Она хлопнула длинными ресницами и прижала ладони к пышной груди.

Вот что у нас с ней было похоже, так это бюсты четвертого размера. Только Роза упаковывала свой в интригующие декольте, а я лишь обреченно ругалась, когда форменный китель ни в какую не желал застегиваться на этом богатстве.

– Мне? – удивилась я, отпивая обжигающе горячий кофе.

– Тебе! – Роза добыла откуда-то небольшой сверток. – Вот, смотри, тут написано: «Анне Стравински». Это от поклонника, да?

А еще Роза ужасно романтична, что временами действует на нервы.

– И правда мне, – с недоумением согласилась я и неохотно отставила кофе.

Почерк аккуратный, внутри ничего не тикает...

Я перерезала бечевку и осторожно размотала пергамент.

– Ой! Прелесть какая! – восторженно взвизгнула Роза, всплеснув руками. – Кукла!

И цветок!

Очаровательная вещица: изящная светловолосая девочка, сделанная с большим тщанием и вкусом. Только вот к рукам и ногам куклы были привязаны веревочки...

– Опиши, пожалуйста, этого «очаровашку», – сдержанно попросила я, прервав восторги сестры. – А лучше поехали со мной, составим фоторобот.

Хотя я сомневалась, что визитом нас почтил лично даритель.

Приколотая к цветку карточка гласила: «Прекрасной даме от Кукольника», а Кукольник вряд ли так глупо подставится. Скорее всего посылку передал банальный курьер, но отработать следовало все варианты.

Роза добросовестно перечислила приметы, а потом с помощью нашего штатного художника соорудила портрет.

Судя по описанию, этого юношу я бы очаровательным не назвала – слишком миловиден и слащав. Прилизанные блондинистые волосы, тонкие черты лица, круглые щечки, тонкие пальцы, да еще и «трогательная» сублидность... Одет он был соответственно, во что-то с «фестончиками», как выразилась Роза.

Художник кивнул понимающе, а следователь Мердок, заглянув ему через плечо, прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Пупс в рюшах, а не мужчина!

Кстати, Мердок на очаровашку походил больше. Я украдкой залюбовалась статьями доблестного следователя. Сволочь он, конечно, первосортная, но хорош! Плечи широкие, попа с кулачок, как говорит бабуля, хоть это и явное преувеличение, густые темные кудри касаются воротничка...

– Стравински! – не оборачиваясь, обратился он. – Может, поведаете нам, зачем вы столь пристально меня разглядываете?

Я чуть покраснела (и как только почувял?) и откликнулась почтительно:

– Учусь составлять словесные портреты, господин следователь!

Он оглянулся и поинтересовался:

– И каковы успехи, домовой?

Я выпрямилась и отчеканила, глядя мимо него:

– Мужчина, человек, возраст тридцать пять – тридцать семь лет, рост около метра восьмидесяти пяти, телосложение спортивное, глаза и волосы темные.

– Как? И это все? – Мердок с сожалением покачал головой. – Полагаю, вам следует больше тренироваться, домовой!

– Приложу все усилия! – пообещала я, преданно пожирая начальство глазами.

Точнее, моим прямым начальником он не был, но неприятностей мог доставить массу. Кстати!

– Разрешите обратиться? – продолжила я.

Роза за его спиной округлила глаза, и я раздраженно дернула плечом.

О работе я стараюсь дома не распространяться. Не хватало только, чтобы Роза загремела в «обезьянник» на пятнадцать суток за мелкое вредительство! С нее стало бы напакостить тому же Мердоку, а фантазия у Розочки неистощима.

Сестра подняла голову и заговорщицки мне подмигнула. Я чуть не застонала вслух: только этого не хватало! От попыток устроить мою личную жизнь, периодически предпринимаемых то бабулей, то сестренкой, хотелось лезть на стенку и швыряться тяжелыми тупыми предметами. Но толку-то?

Мердок вежливо открыл дверь и пропустил меня вперед.

Для приватного разговора лучше всего подходила черная лестница. По местным легендам, через нее в отделение проводили незаконно задержанных, чтобы не светить их на записывающем кристалле и в журнале регистрации.

А еще сотрудники могли здесь травануться ударной дозой никотина, чем я и занялась, остановившись у окна между пролетами. Кто-то даже заботливо оставил тут пепельницу и спички.

– Стравински, – Мердок поморщился и распахнул окно, – не понимаю, зачем вы добровольно употребляете яд?

– Все, что приятно, или незаконно, или аморально, или ведет к ожирению, – хмыкнув, парировала я и с удовольствием затаилась.

Неодобрение на холеном лице следователя того стоило. Логичные доводы (вроде бабулиного «курение вредно для цвета лица и зубов», хотя ей самой это не мешало иногда побаловаться сигарой) я понимала и даже принимала, а вот морализаторство терпеть не могла.

Зато Мердок прославился на весь райотдел правильностью и следованием каждой букве закона. Раньше мы разве что на оперативках пересекались, но, пообщавшись с ним вплотную, я убедилась, что слухи не врут.

– Вы именно это желали обсудить? – осведомился Мердок, отодвинувшись.

– Нет. – Я сообразила, что не стоит его злить, и затушила сигарету. – Господин следователь, вы включите меня в свою группу?

– С какой стати? – Он поднял темную бровь. – Вы домовой, Стравински, вот и занимайтесь своими улицами. Если не ошибаюсь, за вами закреплены Абрикосовая, Виноградная и Тенистая?

– Именно, – вздохнула я, досадуя. Работу свою я любила, но следователи относились к таким, как я, с изрядной долей пренебрежения. Еще бы, что значат мелкие бытовые правонарушения в сравнении с убийствами и разбоями? – Но Кукольник явно обратил на меня внимание. По-моему, стоит это использовать.

Мердок как-то странно на меня посмотрел:

– Стравински, скажите откровенно, какой резон вам в это вмешиваться?

– Ради профессионального роста! – отчеканила я, глядя прямо в его внимательные карие глаза. – И ради премии, конечно.

Хотели откровенности – получите!

– Стравински, – помолчав, проронил следователь, – я непременно отмечу в отчете ваше рвение и выпишу вам премию. Только не ввязывайтесь в эту историю, договорились?

– Почему? – Я почти обиделась.

Мердок одернул белоснежные манжеты рубашки, поправил галстук и наконец сказал:

– Я не вправе рисковать вашей очаровательной головкой, Стравински! – И прежде чем я

успела переварить неожиданный комплимент, мой собеседник все испортил: – Едва ли ваша бабушка будет мне признательна за неоправданный риск.

– Да уж. – Я поморщилась, но возразить было нечего. Бабуля страшна в гневе!

– Поэтому, домовой Стравински, – наставительно продолжил Мердок, – извольте забыть о Кукольнике. Кстати, вы верите в кого-нибудь из богов?

– Да, – призналась я, сбитая с толку неожиданной переменной темы. – В Того, Кого Нельзя Называть. Для краткости – Неназываемого. А что?

– Почему нельзя? – почти по-человечески удивился Мердок. Похоже, об этом культе он слышал впервые. Хотя немудрено, ведь в нашей империи только зарегистрированных религий больше двухсот. – В этом случае произойдут какие-нибудь несчастья?

– Нет, – хмыкнула я. – Просто Кодекс об административных правонарушениях запрещает нецензурную брань в общественных местах.

– Весьма похвально, Стравински, – отозвался Мердок серьезно. – Столь уважительное отношение к закону я горячо одобряю.

И все-таки он зануда!

– Благодарю, господин следователь! – откликнулась я, из последних сил удерживая серьезную мину. – Польщена вашей высокой оценкой.

Кажется, это заразно. Высокий слог и не менее высокие принципы. Вот только что он делает с ними в полиции?!

«Надо сегодня заглянуть к троллям, – решила я. – Поблагодарить за помощь, а заодно проветрить мозги от лишнего пафоса».

Мердок прошелся вдоль окна, отвернулся, заложив руки за спину.

– Позвольте личный вопрос? – вдруг спросил он.

«Валяйте!» – едва не ляпнула я (все же бабуля права в одном – постоянное общение с противоправными элементами сильно обедняет лексикон!), но вовремя одумалась.

А, пропадать – так с музыкой! И я вновь вынула сигареты.

– Задавайте.

Мердок обернулся и внимательно посмотрел на меня:

– Если вашего бога нельзя называть, то как же вы ему молитесь?

С минуту я переваривала этот неожиданный вопрос, делая вид, что прикуриваю.

Затянулась и сказала честно:

– А зачем ему молиться? Я просто верю, что он есть. А рассчитывать стоит только на себя.

– О. – После паузы следователь повторил: – Весьма похвально.

Я молча курила, и Мердок, поморщившись, продолжил нетерпеливо:

– Полагаю, на этом все, Стравински? Можете быть свободны. Если не ошибаюсь, у вас сегодня выходной?

– Не ошибаетесь, господин следователь, – ответила я, борясь с желанием выдохнуть дым прямо ему в лицо.

– Тогда до свидания, домовой Стравински! – церемонно произнес он и вежливо наклонил голову.

– До свидания, следователь Мердок! – в тон ему откликнулась я.

Ну почему если мужчина красавец, то совершенно невыносим?

После его ухода я уже без особого удовольствия докурила и отправилась вызволять Розу из лап художника.

Хотя, судя по тому, как пунцовели его уши и блестели глаза, вызволять следовало беднягу Роббинса.

Сестренка в легком ситцевом платьице смотрелась в дежурке как отличница в детской комнате полиции.

Я остановилась на пороге, решив понаблюдать за представлением.

На столе перед Розой стояла чашка чая, блюдец с трогательным одиноким печеньицем и даже чахлый бутон (похоже, с ближайшей клумбы) в пивной банке. А Роббинс нес какую-то чушь о том, что Роза настоящий цветок, способный украсить собой даже эти казенные стены, и просил ее позировать для портрета.

– Знали бы вы, как мне надоело рисовать эти уголовные рожи! – вещал он с чувством. – А ваше милое лицо... и фигура...

Роза краснела и хлопала длиннющими ресницами – то ли ради тренировки, то ли действительно смутившись.

– Надеюсь, вы в курсе, что моя сестра несовершеннолетняя? – напомнила я негромко.

Роббинс дернулся, ойкнул, опрокинул стакан с карандашами, засуетился...

Роза послала мне укоризненный взгляд и наклонилась, помогая ему собрать рассыпавшиеся мелочи.

Бедняга-художник совсем растерялся, так близко узрев роскошный бюст Розы. Он машинально пытался собрать карандаши, но сложно делать это не глядя, а оторваться от пленительного зрелища он был не в силах.

– Роза! – не выдержала я этого издевательства. – Пойдем. У меня еще куча дел.

Она послушно встала, а у Роббинса сделалось такое лицо, будто он вот-вот заплачет.

– Мы как-нибудь еще заглянем, – пообещала я, сжалившись. – Проведу экскурсию. Ну и вдруг опознавать придется?

– О! – Лицо художника просветлело. – Конечно-конечно! Буду ждать. Вот.

И проводил Розочку влюбленным взглядом...

– Зачем было его очаровывать? – вздохнула я, выйдя на крыльцо.

– Мне было скучно, – надула губы сестра. – Ты ушла с этим следователем и... Кстати, а он милашка!

Не сдержавшись, я фыркнула. «Милашка», надо же!

– Не заметила, – сдержанно ответила я.

– Ну как же! – Роза округлила зеленые глаза и сложила руки перед грудью. Конвоиры, впихивающие задержанного в «воронок», застыли как околдованные. – У него такие глаза! Такие теплые, завораживающие, бархатные, и цвет... Как трюфеля, вот!

Роза мечтательно улыбнулась, и задержанный длинно присвистнул, а конвоиры едва не закапали слюной тротуар.

– Ой! – Сестренка опомнилась и преувеличенно смущенно потупилась. – Извини, оно само как-то получается.

Я только вздохнула. По правде говоря, Роза действительно не виновата. Если уж кто и виноват, так это мама, хотя сама она считает, что ей просто не везло в любви...

Отправив сестру домой, я решила сделать обход. Собиралась ведь навестить троллей, а заодно заглянуть к тихому алкоголику-водяному, проведать лежачую бабулю Сабрину, выяснить, как дела у Волосатой Мэг...

Я с удовольствием прошлась по знакомым улочкам. Есть какая-то неизбывная прелесть

в частном секторе. Каждый дом, каждый участок имеют свой характер. Они не выстроены по ранжиру, не выдержаны в одном стиле – пестрые, своеобразные, в разноцветье садов и цветников. Настоящий оазис сонной сельской жизни посреди шумного промышленного города...

На пересечении Абрикосовой и Виноградной пристроился небольшой круглосуточный магазинчик со всякой ерундой (а заодно и с куда более востребованным алкоголем) и банкоматом, который уже прилепили на место. Только пятна свежей штукатурки выдавали недавние события.

Я доброжелательно поздоровалась с курящей на крыльце дебелой продавщицей, которая при виде меня попыталась изобразить саму невинность. Можно подумать, я не в курсе, что она продает самогон! Но поймать за руку ушлую продавщицу никак не удавалось. Да я и не сильно старалась, зная, что свято место пусто не бывает.

А вот на другие нарушения я глаза не закрывала и потому напомнила о давнем грешке:

– Надеюсь, больше вы алкоголь несовершеннолетним не продаете, Ника?

– Ни-ни! – вытаращилась она. – Чтоб мне лопнуть! Одного штрафа мне за глаза!

Я улыбнулась и вдруг поняла, что напрочь кое о чем позабыла:

– Более-менее приличный торт есть?

– Уж извиняйте. – Ника развела руками. – Ни тортов, ни пирожных не держим. Портятся быстро. Печенье хотите?

– Хм. – Печенье мне не подходило, и я спросила со слабой надеждой: – Шоколад? Конфеты?

– Не-а. – Для убедительности продавщица покачала лобастой головой и вдруг просветлела: – Мороженое есть! Хорошее. Хотите?

– Ну... – Я заколебалась, потом махнула рукой: – Ладно, давайте.

Хм, зато оригинально!

Дом троллей больше походил на грудку разновеликих камней в окружении хмурых елей. Звонка у них сроду не было, так что пришлось по старинке кричать от калитки:

– Хозяева! Эй, хозяева!

Голос у меня звонкий, к тому же сразу отозвались все окрестные собаки.

– Чего надо? – недовольно откликнулся кто-то из глубины дома. – Кого принесло?

Горным троллям яркий солнечный свет не особо приятен, так что я не удивилась, что никто не вышел меня встречать.

– Анна Стравински! – крикнула я как можно громче. – Домовой!

– Ой! – Обитатель дома засмутился и умолк. Потом опасливо уточнил: – А что мы сделали-то? Мы тихо!

– Ничего. – Я улыбнулась, сообразив, что мой визит сочли следствием очередной жалобы мадам Цацовой. Кстати, надо ее тоже проведать как-нибудь. – Я поблагодарить пришла!

– Чего?! – не поверили мне.

– Спасибо сказать! – уже нетерпеливо крикнула я. Переминаясь перед калиткой надоело, к тому же мало приятного в том, чтобы торчать на солнцепеке. – За того зомби!

Кажется, теперь тролли всерьез озадачились.

– Ну заходите тогда, – хрипло разрешил старший, Грендель.

Я осторожно толкнула калитку и направилась к дому, обитатели которого расположились на бревнышке в тени деревьев. Вместо стола они приспособили здоровенный

валун, так что отдышали даже с удобством.

– Спасибо вам, – сказала я серьезно. – Вы мне очень помогли.

– Пожалуйста, – вежливо прогудел воспитанный младший, Хельги.

– Да что уж там! – отмахнулся старший. – Мы ж того... всегда!

Троль-мама только одернула замызганный передник и отрывисто кивнула.

– Вот, это вам от меня. – Наклонившись, я положила на камень пакет. – Понимаю, что вы больше обрадовались бы алкоголю, но...

Я развела руками. Нельзя поощрять пьянство, тем более что младший, по их меркам, еще несовершеннолетний (именно за продажу водки ему я упрекнула продавщицу).

– Да мы понимаем, – хмыкнул старший и кивком разрешил младшему взять подарок.

– Ой! – совсем по-детски обрадовался Хельги, обнаружив внутри уже чуть подтаявшее мороженое. – Нам?!

И посмотрел с такой надеждой, что мне стало неудобно.

– Вам. – Я отступила, чтобы их не смущать. – Спасибо еще раз и до свидания!

Напоследок я была вознаграждена сюрреалистическим зрелищем: три великана с рожками в лапах аккуратно лизут холодное лакомство...

Все еще посмеиваясь, я направилась дальше.

Путь мой лежал сначала к водяному, проживающему в пятом доме по улице Абрикосовой. Хотя дома как такового не было: домовладение состояло из пруда под сенью двух ив и старой пляжной кабинки.

В искусственном водоеме жильца не оказалось. Конечно, он мог прятаться в придонном иле (вода была мутной и пованивала тиной), но я его уже знала.

– Ихтиар! – позвала я, остановившись в тени ивы. Солнце уже ощутимо припекало. – Вы дома?

Вопрос был риторический.

– Конечно, – проворчал водяной, не показываясь на глаза. В дальнем углу участка, за кабинкой, прямо в землю была вкопана старая чугунная ванна. Наверняка он прятался именно там. – Где мне еще быть? Мне же некуда пойти! Таких, как я, нигде не жалуют...

Я тихо вздохнула и закатила глаза. Так и знала – водяной снова «нырнул в омут отчаяния», как он это называл, когда на него находил поэтический слог. А по-моему, это тривиальный запой.

Нужно его подбодрить и развлечь.

Домовые ведь не только за порядком присматривают! Мы и конфликты решаем, и признания выслушиваем, и советы даем. К нам бегут со всеми заботами – хоть котенок на дереве застрял, хоть сосед по утрам шумит перфоратором, хоть сестры жениха не поделили...

– Что вы говорите! – запротестовала я привычно. – Я ведь не раз приносила вам приглашения. Вас звали в аквапарк, а еще предлагали работу сторожа в городском пруду. Вы же имеете право на трудоустройство по программе адаптации малых волшебных народов!

Когда-то мы, люди, незваными гостями пришли в эти земли – и за неполную сотню лет вытеснили или перебили прежних хозяев. Зато последние полвека активно каемся и рвем на себе волосы, так что их теперь даже на госслужбу охотно берут.

Поймав себя на этом «мы, люди», я хмыкнула. Все же воспитание сильнее крови.

– Глупости! – Он душераздирающе вздохнул, плеснула вода, и наконец из-за ивы выглянул коренастый мужчина с длинными спутанными волосами. – Я одинок! Да, одинок...

Даже поговорить не с кем! И выпить...

Водяной с надеждой посмотрел на меня.

На нем были только семейные трусы в цветочек – уступка мадам Цацуевой, которая строчила жалобы во все инстанции, требуя оградить от непристойного зрелища женщин и невинных детей.

– Охотно поболтаю с вами, – улыбнулась я. – А насчет алкоголя сами понимаете.

– Понимаю, – вздохнул Ихтиар. – Опять с лягушками пить, эх!

Он забросал меня жалобами на жизнь, одиночество и неустроенность. Хотя как по мне, это служило лишь оправданием банального бытового пьянства.

Впрочем, Ихтиар был просто тихий алкоголик, соседей не терроризировал, ночами не буянил.

Он быстро переключился на воспоминания, а рассказывал он очень увлекательно – о морских приключениях, бурях и пиратах, так что время пролетело незаметно.

– Как, уже?! – огорчился водяной, когда я начала прощаться.

– Простите, – развела руками я. – Служба. И насчет жалобы в санэпидстанцию не беспокойтесь. Они просто возьмут пробы.

– Да понятно, – вздохнул Ихтиар. – Но это ж надо придумать – холера в моей воде!

И погрозил кулаком в сторону соседнего дома, где жила завзятая клязница мадам Цацуева (сама она считала себя правдолюбом).

После моего ухода водяной наверняка плеснет в свою ванну литр-другой спирта (когда-то он употреблял исключительно ром, но теперь поиздержался) и тихо в ней уснет...

И все же сейчас он накачивается выпивкой намного реже, да и за порядком на участке следит. Я пыталась уговорить Ихтиара устроиться на работу, но пока тщетно.

Жаловаться на жизнь ему нравилось больше.

Ох, и нелегкая наша работа...

Далее я ненадолго заглянула к бабуле Сабрине – древней ведьме, больше похожей на высохший скелет.

Несмотря на усилия соцработников, в ее доме витал сладковатый душок разложения, так что дышать я старалась ртом.

И не скажешь, что в этом немощном теле таится такая ведьминская сила! Именно она не давала бабуле Сабрине почить с миром. По правилам требовалось передать ее преемнице, но у бабули никого из родни не осталось, а чужую кровь сила не принимала.

Вроде бы у нее имелись троюродные племянницы, но пока поиски успехом не увенчались.

– Ничего? – спросила сердобольная соседка, провожая меня до калитки.

Соцработники заходили два раза в неделю, а в остальное время за бабулей Сабриной присматривала эта тихая женщина предпенсионного возраста.

– Увы. – Я развела руками. – Но надежда еще есть. Это ведь долгая процедура – запросы, ответы...

– Да я понимаю, – вздохнула соседка. – Но жалко ее, бедолажную!

Что на это сказать?..

Мадам Цацуева дверь не открыла, явно чуя неприятности на свои нижние сто девяносто.

В списке у меня осталась еще Волосатая Мэг, пожилая брауни, которая в юности эмигрировала вместе с тремя буйными братьями из клана Маккаудов. Беглые шотландцы

осели в нашем тогда еще крошечном городке, но счастья и богатства не нажили. Видимо, слухи о наложенном на них проклятии имели рациональное зерно.

Хотя дом они отгрохали роскошный – двухэтажный, добротный, теплый и удобный.

Последний из клана умер около года назад, дальние родственники все никак не могли поделить наследство, и теперь дом ветшал, а бедная брауни совсем затосковала в одиночестве.

Я старалась заглядывать к ней почаще, пытаясь хоть немного скрасить ее грустную жизнь.

Задумавшись об этом, я и сама не заметила, как оказалась у нужного дома, возле которого суетились люди с ящиками и баулами.

Так, а это еще что такое?! Неужели грабители? А я, как назло, без табельного оружия!

«А как же Волосатая Мэг?!» – Я всерьез заволновалась, зная, что домашний дух ни за что не позволит кому-либо посягнуть на хозяйский скарб.

Присмотревшись, я успокоилась – имущество не выносили, а наоборот. Похоже, у дома наконец появился новый хозяин.

– Чего надо? Проходи уже! – грубо окликнул меня дюжий мужик в спецовке и вытер рукавом катящийся градом пот.

Майское солнце совсем раздухарилось, а по такой жаре таскать тяжеленные коробки – удовольствия мало.

– Домовой Стравински! – представилась я, привычно махнув удостоверением. – Кто у вас старший?

– Ну я старший. – Приязни во взгляде грузчика не прибавилось. – Только вам того, к хозяину надо.

– А где он? – Я не стала спорить.

– Да там, во дворе, – махнул рукой он.

Кто-то из грузчиков едва не уронил зеркало, и старший обрушил на его голову такой поток брани, что я только уважительно покачала головой.

Может, и стоило бы оштрафовать его за сквернословие, но это было бы кощунством.

Улыбаясь, я прошла в знакомый двор, где на качелях под старым абрикосом сидел мужчина, который при моем появлении поднял голову.

И, встретившись с ним глазами, я едва не помянула вслух Неназываемого.

Только бы бабуля не узнала!

– Здравствуйте, – вежливо произнес он, растянув в улыбке тонкие яркие губы, словно перепачканные вишневым соком. – Чему обязан вашему визиту?

Если не присматриваться, то за исключением странного цвета губ выглядел мужчина вполне обычно: высокий, темноволосый, плечистый, в темно-синей футболке и почти такого же оттенка джинсах. Поэтому манеры, больше уместные на каком-нибудь приеме, казались изоощренной насмешкой.

«Еще один, – с досадой подумала я. – Их что, на специальных курсах учат изъясняться таким слогом?»

Вслух, конечно, я произнесла иное:

– Доброго дня. Я местный домовый. А вы, насколько понимаю, новый хозяин дома?

Сбить себя с толку он не дал – поднялся, шагнул вперед и переспросил по-прежнему вежливо:

– Домовой? Госпожа?..

– Домовой Стравински, – обреченно назвалась я, вынимая удостоверение.

Надеюсь, Волосатая Мэг с ним уживется и мне не придется больше сюда ходить.

– Очень приятно. – Незнакомец безупречно светски поклонился и представился: – Моя фамилия Ярый. А вы... Стравински? Это от «остров»?

Я подавила вздох. Глупо было надеяться, что он не поймет.

– Именно, – сдержанно подтвердила я и добавила с нажимом: – Но здесь и сейчас – домовый Стравински!

– Как хотите, – пожал плечами Ярый, беззастенчиво меня разглядывая. – Простите, у меня еще масса дел.

– Конечно, – с облегчением ответила я. – Не буду отвлекать. И поздравляю с новосельем. Он только кивнул в ответ и скрылся в доме.

На этом обход я посчитала законченным и решила пройтись домой пешком.

Слишком много событий: Кукольник, посылка, этот господин Ярый...

Общая картина не складывалась, распадалась на отдельные фрагменты, и я оставила это глупое занятие.

В конце концов, какое мне дело? Пусть Мердок сам расследует дело Кукольника, а господин Ярый вообще пока никаких неприятностей не доставил.

Будем решать проблемы по мере их поступления!

Все частные дома индивидуальны, зато все казенные помещения похожи друг на друга.

Эта сентенция крутилась в моей голове следующим утром.

Несмотря на все попытки начальника РОВД придать своему кабинету лоск, помещение выглядело безнадежно унылым, безликим и неуютным. Хотя сложно ожидать иного от обстановки, в которой сочетались оттенки серого и коричневого.

Оперативка выдалась бурной. Обычно домовых и следствие инструктировали отдельно (а нас еще и далеко не каждый день), но в этот раз собрали всех вместе.

Вскоре стало ясно почему.

Начальник райотдела, полковник Чандлер, негодовал и стучал кулаком по столу: накануне вечером Кукольник совершил очередное дерзкое преступление.

На этот раз ограблению подвергся ювелирный магазин, который лишился десятка ожерелий и почти сотни колец. Стоимость похищенного заставляла Чандлера биться в эпилептическом припадке. Еще бы, снова пострадал наш район!

Городской отдел не горел желанием взваливать на себя такое ярмо. На таких историях можно либо получить внеочередные погоны, либо лишиться своих, и пока все указывало на последний вариант.

Так что на нас тут же радостно спихнули расследование всех краж Кукольника. Еще бы, второй кряду эпизод в нашем районе! А раньше Кукольник объявлялся раз в неделю.

Меня пока начальственный гнев не коснулся. Сначала шеф песочил Мердока, который воспринял выволочку с поистине нордическим хладнокровием.

– Может, у вас есть план, Мердок? – вопрошал полковник, рыжеволосый краснолицый оборотень с квадратной фигурой и манерой орать так, что стекла дрожали. Кажется, по второму облику он питбуль (хватка уж точно та же!) Он многозначительно обвел взглядом подчиненных, но все отводили глаза – никто не хотел высываться. – Подвижки? Свидетели?

– Сожалею, пока нет, господин полковник, – с видом человека, смирившегося со своей

участью, отвечал следователь. – Однако мы работаем.

– Пока нет? Работаете?! – повторил полковник и зловеще понизил голос: – Вы понимаете, что это значит? Мэр в ярости, городской совет требует найти и наказать, а начальник полиции может вот-вот уйти в отставку... Как хотите, но чтоб поймали мне этого Кукольника!

Все закивали, однако энтузиазма не выказали.

Я же рисовала в блокноте бабочек, глаза и молнии.

Мердок тоже помалкивал, зная, что лучше не соваться начальству под горячую руку. В этом обшарпанном кабинете он выглядел как принц крови на помойке: безупречно белая рубашка, галстук стоимостью с подержанный автомобиль, костюм под стать и обманчиво скромные часы – непритязательные, если не знать, какое клеймо таится под крышкой. А странно, кстати, не на зарплату же Мердок так одевается! Хотя я вообще знала о нем немного, он совсем недавно к нам перевелся.

Полковник уступал франтоватому следователю по всем статьям, знал об этом, но явно воспринимал ситуацию философски. Зато все были в курсе, что он очень переживает из-за ширящейся с годами лысины.оборотни стареют быстро, и его «под пятьдесят» – это уже довольно солидный возраст, вот-вот на пенсию будет пора.

– Ладно, – тяжело вздохнул Чандлер и саданул ладонью по столу. – На сегодня свободны!

Все с облегчением зашевелились и начали расходиться. Я сидела в дальнем углу, поэтому сбежать не успела: в открытую дверь формально постучали, и в кабинет заглянул дежурный.

– Ну? Чего тебе еще? – недовольно спросил Чандлер.

– Господин полковник! – вытянулся во фронт тот, даже пузо поджал. – Тут передали посылку для домового Стравински.

И показал аккуратный пакет размером чуть больше моей ладони.

– Чего-о-о? – Лицо полковника опять на глазах налилось нездоровой краснотой. – А ну давай сюда!

– Простите, господин полковник, – возразила я, резво вскочив на ноги. – Позвольте сначала я. Вдруг там... проклятие или яд?

– Вот еще! – Чандлер насупился. – Чтобы ваша бабушка мне голову открутила? Ну!

И повелительно протянул руку. Что оставалось делать бедному дежурному? Только вложить в его ладонь посылку. Мне же достался извиняющийся взгляд.

Я пожала плечами и села на место. Ну что стоило этому олуху дожидаться, пока я выйду?!

Полковник поднес пакет к лицу и тщательно его обнюхал, забавно шевеля не по-человечески подвижным кончиком носа. Затем нахмурился еще сильнее и резким движением вскрыл упаковку. Несколько мгновений он тупо смотрел на посылку, затем вытряхнул на ладонь что-то, даже в тусклом свете переливающееся льдисто-голубым.

В кабинете наступила звенящая тишина, только дежурный гулко сглотнул.

Затем Мердок встал и подошел к столу полковника. Вежливо извинившись, забрал из рук оцепеневшего начальника пакет, поднял к свету ожерелье и констатировал:

– Бриллианты. Осмелюсь предположить, украденные этой ночью. Как вы можете это пояснить, домовый Стравински?

В первое мгновение мне стало не по себе в перекрестье взглядов, а затем я разозлилась и встряхнулась:

– Вы обвиняете меня в связях с Кукольником?

– Полагаете, для этого нет оснований? – Мердок бросил ожерелье на стол и, вынув листок бумаги, прочитал с чувством: – «Красавицам, как и алмазам, нужна огранка. Кукольник». Как прикажете это понимать, домовой?

Я подняла бровь и предположила:

– Как намек, что он считает меня неотесанной?

Эта немудреная шутка успеха не имела.

Полковник выставил караульного, велел ему закрыть дверь, и, подперев голову рукой, произнес мрачно:

– Мердок в чем-то прав. Может, вас пока отстранить от работы, а, домовой Стравински? Какие-то подозрительные у вас связи с этим преступником.

Я всерьез обиделась и прибегла к нечестному приему.

– Как прикажете. – Я сладко-сладко улыбнулась и добавила: – Только бабуля удивится, увидев, что я сижу дома. Придется сказать ей, что меня заподозрили в соучастии.

Обычно бабуля предоставляла мне самой выпутываться из неприятностей – если они не пятнали славное имя Стравински.

Мердок не дрогнул, а вот наш начальник тут же пошел на попятную.

– Ну, Стравински, не надо так волноваться, – заюлил он. – Вы же понимаете, мы должны рассмотреть все версии!

– Понимаю, – мрачно буркнула я.

– В общем, так! – Полковник хлопнул ладонью по дубовому столу (единственному по-настоящему дорогому предмету интерьера, но другая мебель темперамент нашего начальства просто не выдерживала). – Стравински, раз уж вы в этом деле и так по уши, будете помогать Мердоку. В свободное время, от основной работы вас никто не освобождает. Все понятно?

– Но... – начал следователь, который не ожидал такого поворота, однако Чандлер больше не собирался с ним миндальничать.

– Это приказ, Мердок! Вам ясно? – И вперил в него взгляд покрасневших от недосыпа глаз.

– Ясно, – процедил следователь. – Разрешите исполнять?

– Мердок, – вздохнул Чандлер, расстегивая вдруг ставший тесным ворот рубашки. – Не ерепеньтесь. Если вы, случаем, позабыли, то напоминаю, что Стравински у нас спец по хищениям ценностей.

– Сокровищ, – поправила я хмуро.

– Не вижу разницы, – заметил Мердок, остановившись напротив.

Я криво улыбнулась:

– Всякое сокровище – ценность, но не всякая ценность – сокровище.

Господин следователь смерил меня скептическим взглядом и поднял бровь.

– Так, а ну марш отсюда оба! – рявкнул начальник. – Приказы не обсуждаются. Работайте!

Пришлось идти, куда послали...

– Стравински, извольте следовать за мной! – бросил Мердок и, не оборачиваясь, зашагал к своему кабинету.

Правда, дверь передо мной вежливо придержал. Вот это воспитание!

Берлога Мердока отличалась от остальных кабинетов в отделе, как сам он отличался от прочих полицейских. Здесь было безупречно чисто, аккуратно и все выглядело очень-очень дорого. Интересно, когда он допрашивает всяких мелких воришек, он следит, чтобы отсюда

ничего не сперли?

Хотя что это я? Следователь Мердок до мелюзги не опускается, а убийцам и насильникам не до интерьера.

– Присаживайтесь, домовой, – предложил он сухо. – Я внимательно слушаю все, что вы можете поведать о Кукольнике.

Приглашению я не последовала: осталась стоять напротив стола. Раз уж я то ли подчиненный, то ли подозреваемый...

– Послушайте, господин следователь, – с раздражением начала я. – Я ничего не знаю о Кукольнике!

Он взглянул на меня с неприкрытым сомнением:

– Хм?

– Точнее, знаю не больше, чем уже рассказала! – поправилась я.

Еще с минуту он так внимательно меня рассматривал, что захотелось подбочениться и спросить кокетливо: «Нравлюсь?»

Видимо, на моем лице что-то такое отобразилось. Или же Мердок сам наконец пришел к определенному мнению.

– Ладно. – Он устало потер переносицу и повторил настойчиво: – Присаживайтесь, Стравински. Давайте попробуем работать.

Я не торопилась принимать это завуалированное предложение о мире, но и нарываться было бы глупо.

Опустилась на краешек мягкого кожаного кресла, сложила руки на коленях и вопросительно посмотрела на следователя. Очень хотелось курить, но в его кабинете об этом не стоило и думать.

– Давайте начнем с самого начала. – Он взял карандаш и принялся крутить его в руках. – Насколько я понял со слов господина полковника, вас часто привлекают к расследованию краж? Отчего так?

Что там Роза говорила о «бархатном» взгляде? Сейчас глаза следователя больше походили на алмазные сверла.

– А вы не знаете? – удивилась я.

– Увы. – Он положил карандаш и чуть подался вперед. – Не имел чести быть посвященным в эту тайну.

Ах да! Он ведь в наш район перешел всего с месяц назад и кражами никогда не занимался. Мердоку поручали ловить рыбку покрупнее.

Собственно, поэтому с Мердоком мне пока работать и не доводилось. К моей помощи вообще прибегали не часто, а он больше по части особо тяжких.

Но теперь придется выложить козыри на стол.

– Скажем так, – начала я, тщательно подбирая слова, – у меня есть некоторые... способности, помогающие находить украденное.

Мердок сузил глаза:

– Могу я осведомиться о природе ваших способностей?

Я невесело улыбнулась и прямо посмотрела на него. Никто до сих пор этим открыто не интересовался. Коллеги кое-что подозревали, но дареному коню в зубы не смотрят, поэтому любопытством меня не изводили.

– Наследственность, – призналась я. – Тяжелая.

Мердок задумался, хотя о чем тут думать? Все равно придется работать вместе.

Полковник прав: приказ есть приказ.

– Хорошо, – наконец кивнул следователь и снова откинулся на спинку кресла. – Предположим, вы можете почуять... сокровища, так вы сказали?

– Да, – нехотя признала я.

Он кивнул каким-то своим мыслям.

– Так почему, позвольте спросить, вас ранее не привлекли к этому делу?

Надо отдать ему должное. Въедлив, дотошен и невыносимо зануден – но, безусловно, умен. Сразу зацепился за несоответствие.

– Потому, что я ищу только сокровища, – повторила я терпеливо. – Не мелочи, не деньги, не людей. Только сокровища. Это понятно?

Под конец в голосе все же прорвалось раздражение, и я заставила себя глубоко вздохнуть. Мердок не виноват, и надо взять себя в руки.

– Любопытно, – чуть смягчившись, заметил он. – Следовательно, до сих пор Кукольник не подставлялся? Интересно, а что им движет?

– Поймаем – спросим, – буркнула я, отводя взгляд.

Мердок не обиделся.

– Как полагаете, Стравински, отчего он присылает вам эти посылки? Быть может, это ваш знакомый или, скажем, поклонник?

От неожиданности я чуть не упала с кресла и вытаращилась на Мердока:

– Вы с ума сошли!

Получилось излишне эмоционально, но он только скупно улыбнулся:

– Почему нет, Стравински? Вы красивая молодая девушка, вполне понятно, что у мужчины могут возникнуть к вам нежные чувства.

А взгляд серьезный и внимательный, я бы даже сказала, изучающий.

– Спасибо, конечно, – усмехнулась я, – только как-то это... мелодраматично.

Хотя такой вариант, признаю, нравится мне больше, чем подозрение в соучастии.

– Если у вас имеются иные версии – излагайте, – благодушно разрешил следователь. – Кстати, хотите чая? Кофе?

– Нет, спасибо, – отказалась я вежливо. А, ладно, наглеть так наглеть! – Но я бы закурила. – И добавила поспешно: – Если вы не против!

Мердок тяжело вздохнул, однако лекцию о вреде курения читать не стал. Только поднялся, распахнул форточку, выдал мне в качестве пепельницы блюдце и лишь тогда разрешил:

– Можете курить, Стравински.

На мгновение мне захотелось попросить его называть меня по имени, но я не рискнула. Еще вообразит, что я с ним заигрываю!

Отгнав дурацкую мысль, я вынула сигареты.

– Итак, жду ваших соображений, домовой, – напомнил Мердок, вежливо дождавшись, пока я закурю.

Надо же, я опять «домовой». Хотелось напомнить, что домовым инициативу проявлять не положено – мы же тупые исполнители!

Но не стоило лезть в бутылку – за исключением этого выпада следователь старательно держался на равных, – поэтому я призналась честно:

– Думаю, он просто сумасшедший. Ему нравится играть с полицией. Ну, не знаю, противопоставлять свою силу и хитрость нашим.

– Отчего же тогда он выбрал именно вас, Стравински? – парировал Мердок. – Ведь вы не занимались этим делом.

Я только развела руками:

– Понятия не имею. Может, он наблюдал за тем зомби, которого я взяла? Кстати, по нему что-нибудь есть?

– Ровным счетом ничего, – поморщился Мердок. – Ни четкой ауры, ни физических следов. Лишь очень смутные и размытые энергетические отиски, которые не дают возможности идентифицировать некроманта. Наши эксперты уверяют, что такое невозможно. Какой-то...

И добавил кое-что еще, не вполне вежливое.

Я невольно улыбнулась и раздавила сигарету в блюдце, стараясь не задумываться о его стоимости.

Надо же, а он тоже человек! Зря я считала его бесчувственным истуканом.

– Чему вы радуетесь, Стравински? – осведомился Мердок крайне холодно, подпортив впечатление.

Пришлось срочно стонять с губ компрометирующую улыбку.

– Совпадению вашего и моего мнения о ситуации, господин следователь! – отрапортовала я бойко, преданно пожирая его глазами.

За время работы в полиции я освоила этот трюк безупречно.

«Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак!» – как любит повторять бабуля, с которой я репетировала тот самый «вид лихой и слегка придурковатый».

Мердок вздохнул, снова устало потер переносицу и предложил вдруг:

– Стравински, давайте мы с вами обойдемся без официоза? Разумеется, не при посторонних. Так или иначе, мы вынуждены работать вместе.

«Вынуждены» мне не понравилось, но я это проглотила.

– И как мне вас называть?

– Мердок, – предложил он ровно. – Обращаться друг к другу по имени будет излишне, а вот по фамилии в самый раз.

«Зануда!» – подумала я с досадой, а вслух сказала:

– Договорились... Мердок.

Он кивнул.

– Итак, вы не подозреваете, кто это мог быть?

– Увы. – Я с тоской покосилась в окно.

Там солнышко, птички... а мне тут разглагольствования Мердока выслушивать!

Сколько можно об одном и том же?

– Боюсь, так мы ни к чему не придем, – заявил он, словно подслушав мои мысли. – И все же любопытно, почему он изменил правила игры? Ведь не было никакой угрозы – ни улики, ни свидетелей, ничего. Любопытная загадка...

Следователь задумчиво постучал пальцами по подлокотнику и поднял глаза на меня:

– И если принять в расчет вашу версию, Стравински, то почему именно вы? Зачем затевать игру *с вами*?

На этот счет у меня уже был готов ответ:

– Бабушка.

Мердок пристально на меня посмотрел и растянул губы в вежливой улыбке:

– Действительно, как это я запамятовал? Ведь вы представляете интерес только как

внучка своей бабушки, так?

В голосе его звучала отчетливая насмешка. Кажется, мне наконец удалось вывести безупречного и невозмутимого следователя из себя.

– Именно. – Я пожалала плечами (смысл отрицать очевидное?) и осведомилась нетерпеливо: – Может, я все же попробую поискать?

– Попробуйте, – великодушно разрешил Мердок. – Что вам для этого понадобится?

подавив соблазн затребовать свечи из человеческого жира и рог единорога, я перечислила, загибая пальцы:

– Вещь из клада, подробная карта города, карандаш. – Подумала и добавила на всякий случай: – И пять минут тишины.

– Сделаем, – пообещал Мердок и стремительно вышел.

Хм, я почему-то думала, что он кому-то позвонит...

Вернулся он быстро, разложил на своем письменном столе добычу:

– Взгляните, Стравински, это подойдет?

– Вполне, – ответила я, бросив мельком взгляд на карту, придавленную сверкающими бриллиантами.

Коснулась кончиком пальца камней, скрепленных тонкой вязью цепочки. Белое золото? Платина? Да какая разница? В протоколе все равно напишут «металл белого цвета».

Придвинула кресло поближе (Мердок почему-то дернулся), вынула из сумочки зеркальце и положила перед собой.

Так, карандаш в одной руке, украшение в другой, смотреть в зеркало...

Поехали!

Частица чего-то всегда стремится воссоединиться с целым. Это аксиома.

А клад – это не просто набор ценных предметов.

Наверное, что-то подобное чувствует собака, когда идет по следу. Чутье вело меня дальше, дальше... и вдруг я словно с разбега врезалась лбом в стену.

Больно! Я встряхнула головой и попробовала еще раз, с тем же результатом. А если вот так?

– Стравински! – вырвал меня из транса знакомый голос. – Да очнитесь же, Стравински!

Мердок с силой встряхнул меня, а затем отвесил пощечину.

– Эй, больно же! – возмутилась я, потирая щеку.

Я обнаружила, что почти лежу на столе, а с противоположной стороны на него навалился Мердок, который держал меня за плечи.

Хорошо хоть водой поливать не стал, а то карта бы раскисла. Хотя от нее и так мало проку.

– Вы в порядке, Стравински? – осведомился он.

На впалых щеках Мердока уже проступила щетина. Похоже, бриться ему приходится дважды в день.

– В полном, – буркнула я. – Зачем нужно было меня трясти?

– А вы полагали, я должен безразлично смотреть, как вы бьетесь в припадке?

– Это был не припадок. – Я отвела взгляд. Мердок был так близко, что я чувствовала тонкий запах его одеколона. – Я просто потеряла след.

– И поэтому намеревались побиться головой об стол? – Он поднял бровь, зато наконец меня отпустил. – Насколько я понимаю, Стравински, попытка успеха не возымела?

И показал глазами на карту, исчерканную загогулинами.

– Ну, – я вздохнула, – теперь мы знаем, что он где-то на левом берегу Бирюзовой.

– Ценнейшая информация. – Мердок откинулся в кресле и подложил ладони на подлокотники. – Две трети города расположены как раз на левом берегу.

– Извините, – буркнула я, – что могу.

И потерла ноющий лоб.

– Если хотите, можете курить, – сжалился Мердок. – И все же, Стравински, в чем может крыться причина вашей неудачи?

«Крыться причина», надо же!

Когда болит голова, за такие словесные конструкции хочется убивать. И да, я была зла и растерянна.

– Спасибо. – Я ухватила за сигарету, как за соломинку. И только через минуту достаточно пришла в себя, чтобы предположить неохотно: – Похоже, этот Кукольник действительно много обо мне знает. И в курсе, как надежно спрятать ценности.

– И как же?

Я торопливо затягивалась, а Мердок терпеливо наблюдал. Даже не морщился от дыма!

– Варианта два: огонь и вода. – Я с силой раздавила окурок и подняла взгляд на следователя. – Или украшения переплавили, или бросили в какой-то водоем.

– Пожалуй, вариант с переплавкой оставим напоследок, – решил он. – Хотя в этом могла скрываться определенная ирония. Заставить нас искать то, что более не существует. А размер водоема имеет значение?

– Нет. – Я покачала головой. – Река, озеро, водохранилище – выбирайте любой вариант. Да хоть та же Мокрая.

Столь оригинальное название носила речушка (скорее даже ручей), на берегу которой стоял наш дом.

– Предлагаете отправить водолазов прочесывать дно? – скептически осведомился Мердок, и я разозлилась.

– Послушайте, чего вы от меня хотите? – резко спросила я, вставая, и отчеканила: – Я не вижу этот клад. Довольны?

– Разумеется, нет, – невозмутимо откликнулся следователь. – Сядьте, пожалуйста, Стравински. Скажите, а кто может быть осведомлен о таких нюансах ваших способностей?

– Кто? – тупо повторила я.

– Мне потребуется список, Стравински, – терпеливо пояснил Мердок. – Кто из ваших родственников и друзей мог об этом знать? И, конечно, коллеги, если они в курсе таких деталей.

– Да идите вы... – устало сказала я, сообразив, что он это всерьез. – Может, этот кто-то просто хорошо знает теорию. И вообще, это могла быть случайность. Повезло ему.

– Возможно, – подумав, согласился Мердок. – Итак, у нас по-прежнему ни улики, ни свидетелей, ни подозреваемых. Идеи есть, Стравински?

– Вы же у нас начальник! – напомнила я. Голова уже почти раскалывалась от боли, и мне было наплевать на субординацию и прочие расшаркивания. – Вам и карты в руки. Командуйте!

– Хорошо. – Следователь бросил на меня непонятный взгляд. – Пока можете быть свободны. Насколько я помню, у вас через час прием граждан?

– Да, – коротко ответила я.

Не оставалось даже сил удивляться, что он помнит такие мелочи.

– Значит, на сегодня вы свободны, – решил Мердок. – Только загляните к Ульву, возможно, появились какие-либо новости по зомби.

– Хорошо. – Я кивнула и поморщилась от боли. – До свидания!

– До свидания, Стравински! – откликнулся он, и я наконец вышла.

Не знаю, какой садист придумал для домовых форменную зауженную юбку, под которую к тому же следовало надевать туфли на каблуках. Обычно я сразу после планерки бежала в свой кабинет, стягивала этот кошмар и надевала нормальные брюки, но теперь пришлось мучиться.

Для начала я заглянула в морг. У большинства моих коллег это слово ассоциировалось с белым кафелем, хромом и стойким запахом антисептика, однако в нашем райотделе все было совсем иначе.

За дверью со строгой табличкой: «Морг. Вход только по предъявлению удостоверения!» цвели и пахли настоящие джунгли.

Просторное помещение под самой крышей превратилось в огромную оранжерею с сотнями и тысячами экзотических растений.

Представляю, сколько это все стоило!

Нашему патанатому прощали и не такое. За одну только способность с первого взгляда определять время и причину смерти все следователи готовы были на него молиться.

А чего стоил его метод «консервации» трупов! Ульв как-то объяснял мне, что применяет тот же принцип, который используют растения для сохранности плодов, хотя я поняла далеко не все. Главное, что тела оставались в изначальном состоянии. Это вам не банальная заморозка, после которой уже не разглядишь магических следов!

Я распахнула дверь и привычно задышала ртом – неподготовленный посетитель здесь мог запросто свалиться в обморок от густого цветочного запаха.

– Ульв! – крикнула я, остановившись на пороге. – Ты тут?

Вопрос был риторический – Ульв у нас затворник.

(Конечно, это не настоящее имя, но он предпочитал, чтобы его называли так.)

Он словно соткался из зелени листвы: дивный светлокосый эльф, похожий на прекрасное видение.

Я помотала головой и поморщилась. Сочетание Мердока, магического поиска и здешней атмосферы совсем меня доконало. Скоро стихами заговорю!

При ближайшем рассмотрении эльф оставался столь же прекрасным, но вполне земным (от него даже пахло потом!).

Он с одного взгляда понял мое состояние и молча взял за руку, не став терзать высокопарными приветствиями. Впрочем, Ульв в любом случае недолюбливал витиеватый слог, которым так часто грешили его сородичи.

По-моему, он даже бравировал этой простотой, как и работой в морге, немислимой для настоящего *кошерного* эльфа...

Пять минут спустя я уже сидела на полянке, заменявшей Ульву гостиную.

В руках у меня была чашка кофе, в зубах сигарета, а в голове – восхитительная легкость.

– Спасибо! – от души сказала я, отхлебнув ароматный напиток.

– Мелочи, – отмахнулся Ульв, присев на стул напротив. – Ты что-то хотела, Ани? Давно не заглядывала.

Друзей у него было немного, и я старалась забегать к нему раз в неделю-две.

Ульв почти не покидал свой морг, как он любит шутить, деля время между жизнью и

смертью, то есть между цветами и трупами.

Я крепко подозревала, что это было причиной, а не следствием его изгнания. В отличие от более легковверных гномов, оборотней и драконов остроухие не пожелали жить рядом с недавними врагами. Эльфы давно заперлись в своей резервации и носа оттуда не казали, высокомерно игнорируя весь остальной мир. И всякие чудаки у них быстро становятся персонами нон-грата.

– Я поганка, – призналась я честно. – Прости, совсем забегалась.

– Ничего. – Ульв плавно повел рукой, отмечая извинения. – И что привело тебя сюда?

– Мердок, – вздохнула я.

– А, дело Кукольника, – понимающе кивнул он и заправил за острое ухо светлую прядь. – Ты-то как оказалась в этом замешана?

– Ты-то как оказалась в этом замешана?

– Не спрашивай. – Я отхлебнула еще кофе и осведомилась без обиняков: – Так что, какие новости?

Ульв еле заметно поморщился:

– Почти ничего, но кое-что любопытное есть. Минуту.

Он исчез, а я торопливо допила кофе.

Ульв вернулся очень быстро, и за ним топал мой старый знакомец зомби, лишившийся большей части одежды и пластины на груди.

– Вот, взгляни. – Эльф шевельнул пальцами, и поднятый мертвец послушно повернулся филейной частью, спустив штаны до ягодиц.

На поясице у него чернел какой-то странный символ, похожий на корявого человечка. В духе детского «палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек».

– Что это значит? – поинтересовалась я жадно, жалея, что не прихватила с собой блокнот.

– Понятия не имею, – ответил Ульв равнодушно. – Это уже твое дело. Вероятнее всего, какое-то заклятие. Или, может, тавро. Скажешь Мердоку, пусть зайдет вечером. Я подготовлю отчет.

Он терпеть не мог что-то обсуждать до составления письменного заключения, поэтому я оценила оказанную милость. Но не обрадовалась.

– Ну спасибо, – буркнула я. – А найдется где зарисовать?

Эльф кивнул и раздобыл откуда-то лист бумаги и ручку.

Я давно привыкла к таким небольшим чудесам, которые Ульв творил не задумываясь, походя. А ведь сколько ни старайся, не найдешь, где хранятся все эти бесчисленные бытовые мелочи!

С рисунком я управилась за каких-то пять минут.

Так, теперь быстро занести его Мердоку и бежать на прием.

– Его можно отпускать? – флегматично осведомился Ульв, когда я закончила. – Или он тебе нужен?

Я сомневалась, что из несчастного зомби можно вытрясти что-то еще, но на всякий случай решила:

– Лучше пусть пока поживет. – Я сложила листок, спрятала в карман и только потом спохватилась: – Да, ты же мне череп обещал! Будет?

Надеюсь, премию Мердок не зажилит.

Ульв отдал бы мне какие-нибудь ненужные останки и бесплатно, но, как говорится, дареное не дарится. А я же для бабули!

– Поищу, – пообещал он весело. – Может, как раз этого красавца и использую, если его не опознают.

– Можно сказать, трофей, – усмехнулась я, и эльф улыбнулся мне в ответ.

– Беги уже!

Я посмотрела на часы и правда побежала...

Мердока в кабинете не оказалось.

Пришлось впопыхах черкнуть ему несколько слов и оставить записку у дежурного.

И я помчалась к себе...

Моя «берлога» – кабинет в дальнем крыле местной школы, с отдельным входом и трогательной клумбой перед ним. На скамейке у двери уже ждали трое, и, судя по их настрою, задержись я еще на полчаса, драки бы не миновать.

– Опаздываете, госпожа домовой! – попеняла мне бойкая старушка в трогательном платочке.

Две гномки кивнули в знак приветствия и продолжили препираться.

Я вздохнула и вынула ключи.

– Исключительно в интересах следствия!

– Ой, да неужто того охальника нашли? – Глаза бабки Марьи сразу заблестели. – Ну этого, как его... Кукольника!

– Ищем, – веско ответила я. – Кое-какие подвижки есть. Только никому, ладно?

Она закивала, а я улыбнулась про себя. Уже к концу дня половина города будет знать, что полиция буквально носом землю роет и вот-вот сцапает Кукольника. Вдруг это заставит его допустить какую-нибудь оплошность?

Может, и глупо, но умных мыслей у меня не нашлось.

Впечатленная новостями, бабушка Марья позабыла, зачем пришла, и разом исцелилась от хромоты, сердечных болей и радикулита. Вон как резво припустила к местному стихийному рынку – настоящему кладезю слухов и сплетен! Хотя слово «клоака» подходит больше.

Я забрала почту из ящика, который буквально разбух от писем, и бегло просмотрела конверты. Так, это ожидаемо... это понятно... В самом низу стопки меня подстерегал неприятный сюрприз: рецидивист Сидоров по кличке Профессор освобожден из мест лишения свободы! Причем выпустили его еще неделю назад, а мне удосужились сообщить только теперь.

Еще одна проблема.

Может показаться, что на моем участке живут сплошь противоправные элементы. На деле улочки мне достались тихие, просто общаюсь я в основном с самыми буйными жильцами: алкоголиками, хулиганами и тунеядцами. И, конечно, с бесчисленными жалобщиками. Эти вроде бы безобидны... примерно как понос.

Первыми в мой кабинет ввалились сестры Эдукан. Гномки не преминули потолкаться плечами в дверях и чуть не выломали косяк.

Утомонились они только после моего рыка:

– По очереди! – Подумав, я уточнила: – Старшая – первой.

Сестры неприязненно переглянулись, и Бранка уступила Сигге, которая была старше на целых пять минут.

Спор их я слышала раз сто: сестры препирались, кому какая часть дома принадлежит.

Одна жилая комната выходила окнами на юг, другая на север. Следовательно, в первой было уютнее зимой, а во второй летом. Так что обострения семейных отношений случались как раз в межсезонье.

Честно говоря, их мелкие склоки надоели мне настолько, что терпения хватило ненадолго. Сколько можно уговаривать и мирить?!

В общем, я послала их на три буквы... то есть в суд.

Гномки на меня обиделись. Как же, такого развлечения лишили! В суде-то цирк устраивать не позволят, и повторно туда не обратишься...

– Мы думали о тебе лучше! – заявила Сигге и промаршировала к выходу.

Ей недоставало только рогатого шлема и боевой секиры.

– От тебя мы такого не ожидали! – вторила ей Бранка.

Сестры вышли, и я выглянула в окно. Они рука об руку направилась к своему дому (как раз через дорогу), беседа вполне мирно. Видимо, помирились на почве недовольства мной.

Дурдом!

Я вздохнула, мечтая о пяти минутах тишины.

Передохнуть мне не дали: дверь снова распахнулась, и в мой кабинет вплыла дама.

Комната, и без того небольшая, сразу стала возмутительно тесной.

Говорят, черное стройнит, однако пышным телесам посетительницы это было как мертвому припарка. Трикотаж безжалостно обтягивал все складки и изгибы фигуры, тонкие бретели платья впились в белоснежные плечи, а кокетливая шляпка леопардовой расцветки дополняла это великолепие.

– Здравствуйте, мадам Цацуева, – уныло поприветствовала я.

– И про какое здоровье вы таки говорите?! – агрессивно начала она, легким движением бедра закрывая дверь. – Я худею от такого безобразия!

По-моему, сбросить десяток-другой килограммов ей бы не повредило, но высказывать это я поостереглась.

– У вас есть *новые* жалобы? – поинтересовалась я сухо.

Слово «новые» было ключевым. Хобби мадам Цацуевой – кляузничество – до печенок достало всех соседей. А уж как это опротивело мне!

– Таки да! – согласилась она едко. – А вам, милочка, за это деньги платят! Вот и работайте!

Я только вздохнула, проглотив крутящийся на языке ответ.

– В письменном виде?

– А как же! – Мадам Цацуева задрала все три подбородка. – И на копии вы мне распишитесь. А то я уйду, а вы фьютъ – и выкинете мое заявление!

И указала глазами на корзину, действительно переполненную бумагами.

Сдержалась я с трудом.

– Позвольте? – и требовательно протянула руку.

Мадам Цацуева вручила мне десяток листков, исписанных убористым почерком, и я чуть не застонала.

А ведь придется проверять! Еще и ответы писать. Закон об обращениях граждан, будь он неладен.

– Присаживайтесь, – предложила я, бегло просматривая бумаги.

– Я постою! – гордо отказалась визитерша.

Подозреваю, она попросту опасалась, что стулья не выдержат такого напора красоты.

Первая жалоба ожидаемо касалась Ихтиара. Мадам Цацуева невзлюбила бедного водяного с первой встречи и теперь не упускала случая обвинить его хоть в чем-то.

На этот раз она утверждала, что Ихтиар держит наркопритон, – дескать, сама видела ночью крайне подозрительную личность на его участке. Небось за дозой приезжали!

– Постойте, – я помотала головой, – а как вы могли это увидеть? Ведь было темно?

– У меня бессонница! – чуть визгливо парировала дама, выпятив пышную грудь. – А шо, честной гражданке уже и проснуться ночью нельзя?!

Голос у мадам Цацуевой подкачал – к таким габаритам больше подошло бы сочное контральто.

– Можно, – вздохнула я. – Только не говорите, что у вас есть прибор ночного видения.

Насколько я знала, в жилах мадам Цацуевой не текло ни капельки крови волшебных народов, так что ее зрение должно быть в пределах человеческой нормы.

– Я и без него отлично все разглядела! – Она оскорбленно поджала губы и перешла в наступление: – Вы хотите сказать, шо я вру?!

– Нет, что вы. – Я пошла на попятную, отлично зная, что мадам не преминет при случае накатать кляузу и на меня. Эх, привлечь бы ее за заведомо неправдивое сообщение о преступлении! Кстати, а это мысль. – Проверим. Так, а тут что?..

И сделала вид, что увлеклась изучением следующей жалобы.

Впрочем, к концу страницы мой интерес стал непритворным. Героем сего заявления был Хельги, младший из семейства троллей.

Для верности я перечитала дважды. Пристальный взгляд мадам Цацуевой не позволял мне рассмеяться вслух, хотя очень хотелось.

– Кхм, я правильно поняла, – начала я медленно, отложив ее писанину в сторону, – что он напал на вас и насильно поцеловал?

– Принудил! – подтвердила мадам, обмахиваясь ладошкой. – Хулиган!

Прозвучало... томно.

Я вообразила эту сцену в красках: теплый летний вечер, мадам Цацуева в полупрозрачном одеянии, юный тролль, при виде такого зрелища потерявший голову от страсти...

Пожалуй, эта картина стоила того, чтобы увековечить ее на полотне какого-нибудь живописца! «Барышня и хулиган».

– И чего вы хотите? Привлечь его к ответственности за... мелкое хулиганство? – Последнее я произнесла с сомнением. Надеюсь, она не будет утверждать, что имела место попытка изнасилования? – Но он ведь несовершеннолетний.

– Пусть подрастет. – Мадам повела плечом с милыми ямочками. – А потом – женится!

От неожиданности я потеряла дар речи. Откашлялась и поинтересовалась сдавленно:

– А разве вы не замужем?

Стыд и позор мне! Домовому полагается всех жильцов вверенного участка знать хотя бы в лицо. Но я полагала, что супруг мадам Цацуевой просто терялся на ее фоне.

– Я вдова! – Она уязвленно поджала губы. – Дважды.

– Сочувствую, – пробормотала я, собираясь с мыслями, а потом напустила на себя строгий официальный вид. – Извините, мадам Цацуева, но ваши требования не подлежат удовлетворению. Брак – это добровольный союз мужчины и женщины...

– Я буду жаловаться! – взвизгнула оскорбленная в лучших чувствах дама. – Так и знайте!

Она тяжело дышала, и огромная грудь взволнованно колыхалась.

Ужасно хотелось заткнуть уши пальцами, но, увы, приходилось слушать причитания и угрозы. Если женщина хочет замуж, то упаси вас Неназываемый становиться у нее на пути!

Когда я с трудом выставила ее прочь, до конца приемного времени оставалось немногим больше четверти часа.

Поморщившись, я потерла висок. Работа с населением – та еще головная боль...

А ведь мадам Цацуева наверняка еще и жалобу на меня накатает! Понятно, что ничего страшного, но объяснительную писать придется.

Подумав, я полезла в стол за шоколадкой, но едва пальцы нащупали шуршащую обертку, как в дверь снова постучали.

Я едва не застонала, закрыла ящик и обреченно крикнула:

– Войдите!

– Вы позволите? – вежливо спросил господин Ярый, остановившись на пороге.

На мгновение я им залюбовалась: стройная фигура, смуглая кожа, чуть раскосые насмешливые глаза и грация пантеры.

– Конечно, – кивнула я. В конце концов, теперь он один из «моих» жильцов! – Проходите, присаживайтесь. На что жалуетесь?

Яркие губы дрогнули в улыбке, и посетитель шагнул в комнату.

Я слегка смутилась: прозвучало действительно странно.

– Я имею в виду, что обычно к компетенции домового относится урегулирование споров из-за нарушения правил добрососедства, – отбарабанила я как по писаному и смутилась еще больше.

Присутствие господина Ярого выводило меня из равновесия. И дело не в бабуле!

Он окинул взглядом мой захламленный кабинет и покачал головой.

– Заверяю вас, госпожа Стравински, мне не на что жаловаться.

– Домовой, – поправила я упрямо. – Я при исполнении.

Ярый чуть пожал плечами и расположился на ближайшем ко мне стуле.

– Как изволите... домовый. Хотя называть так красивую женщину, на мой взгляд, почти кощунство.

– Благодарю, – ответила я сухо. – Итак, что вы хотели, господин Ярый?

Он внимательно смотрел на меня, прищутив темные недобрые глаза.

– У меня к вам... личная просьба.

– Слушаю, – откликнулась я нехотя.

Он сжал губы, затем проговорил медленно:

– Скажите, вы правда занимаетесь поисками Кукольника?

От неожиданности я на мгновение замерла.

– Да, – кивнула я, не видя смысла отрицать. – Точнее, я помогаю следователю...

Ярый легким движением руки отмел мою слабую попытку отпасовать его к Мердоку.

– Несущественно. – Он чуть подался вперед, и я вдруг ощутила абсурдное желание спрятаться под стол. – Госпожа... домовый, я буду весьма признателен, если вы заодно поищете ранее украденную им вещь.

– Какую? – с трудом выдавила я из разом пересохшего горла.

Только этого не хватало! Эта история с Кукольником нравилась мне все меньше и меньше.

Ярый помолчал, все так же внимательно глядя на меня, и наконец обронил:

– Алый Цветок.

– Простите, что? – не поняла я. – Это иное название пламени? Драгоценный камень?

Последний вариант устраивал бы меня как нельзя больше, даже несмотря на фиаско в поиске прошлого клада.

– Это цветок, – пояснил он ровно, только глаза опасно сверкнули. – Алый, как вы можете догадаться.

– Постойте, – попросила я и помассировала виски. Поморгала и спросила со слабой надеждой: – Господин Ярый, вы шутите?

– Увы, нет. Я абсолютно серьезен. И, разумеется, за помощь вам полагается вознаграждение...

– Но зачем это Кукольнику?! – перебила я. – Он ведь вор, его интересуют ценности, а не... растения!

– Это непростое растение, – вымолвил Ярый словно через силу. – Однако для вас, госпожа Стравински, это значения не имеет. Я готов выплатить за него очень хорошее вознаграждение.

Это явное нежелание называть меня домовым вкупе с настойчивым напоминанием об оплате взбесили.

– Послушайте, господин Ярый, – начала я уже безо всякого пиетета. – Я приложу все усилия, чтобы найти Кукольника и вернуть все, что он украл. Но я – домовая, а не частный сыщик! Мне не нужна награда. Лучше бы вы поделились сведениями.

– Например? – Он чуть склонил голову набок, и в кабинете вдруг посветлело.

Но мне на его штучки было уже наплевать. В крайнем случае сдам его бабуле.

– Например, как Кукольник мог у вас что-то украсть, если вы приехали в город только вчера? Где и когда это произошло? Вы ведь не писали заявление в райотдел!

Ярый помолчал, не отрывая от меня недоброго взгляда, затем поднялся.

– А кто вам сказал, что Кукольник начал свои подвиги именно тут? Советую подумать над моим предложением. До свидания, госпожа Стравински!

И, коротко кивнув, он вышел прочь, аккуратно притворив за собой дверь.

Следующий посетитель стучаться не стал, но заготовленное: «Извините, время приема уже закончилось!» – мне не пригодилось.

– Следователь Мердок? – привстав, кисло произнесла я.

– Вижу, вы очень рады меня видеть, Стравински, – вымолвил он, осматриваясь.

Неужели это была ирония?!

– Чрезвычайно! – ответила я с чувством. Мердок посмотрел на меня с удивлением, и я спешно поправилась: – Простите. Я просто рада, что это не очередной жалобщик.

Мердок кивнул, принимая это объяснение.

– Кстати, Стравински... – Он заложил руки за спину и, пройдясь вдоль заваленных бумагами стеллажей, остановился у дальней полочки, где красовалась коллекция ракушек, засушенных цветов и еще кое-каких, менее невинных, сувениров. – Должен заметить, у вас очень любопытные знакомства.

– Не понимаю, о чем вы, – пробормотала я и полезла в стол за шоколадкой, чтобы отвлечься от желания швырнуть в него вон той вазой с завядшими нарциссами.

– Неужели? – Мердок обернулся, и тон его был неодобрительным. – Стравински, раз уж мы с вами теперь работаем вместе, извольте мне не врать.

– Как прикажете, господин следователь. – Я пожала плечами и, развернув фольгу, откусила кусок прямо от плитки.

Мердок следил за мной с интересом.

Шоколад надежнее чар: всего несколько кусочков, и мне уже не хочется кого-нибудь убить.

– Так вы поведаете мне, что хотел от вас тот... человек? – напомнил Мердок, когда я спрятала остатки «лекарства» в ящик стола. – Я видел, как он от вас вышел.

Небольшая заминка подсказала, что наблюдательности господину следователю не занимать.

– Один из новых жильцов. По правде говоря, он только вчера переехал.

В глазах Мердока зажегся огонек:

– Вот как? Весьма любопытно.

– Еще бы! – Я решила все выложить начистоту: – Господин Ярый заявил, что ранее у него украли некую вещь... Алый Цветок. И он уверен, что это дело рук Кукольника!

Мердок кивнул каким-то своим мыслям.

– Значит, господин Ярый пытался привлечь вас...

– Это что-то меняет? – осторожно уточнила я.

– Это меняет все, Стравински, – вздохнул следователь и опустился на ближайший стул, даже не позаботившись поддержать штанины. – И ровным счетом ничего. Не понимаю, зачем ему понадобилось сюда являться.

Бесконечные загадки уже начинали раздражать, и я отвернулась, жалея, что нельзя закурить.

Мои нервы за последние дни поистрепались. Рука сама тянется к сигаретам.

– Не злитесь, Стравински, – вдруг примирительно произнес Мердок. – Это лишь подтверждает, что у Кукольника имеется какая-то цель, и это вовсе не деньги. И он успел уже многим насолить. Однако об этом мы и раньше догадывались, ведь так?

– Так, – согласилась я, вновь поворачиваясь к нему. – Чтобы раздобыть наличные, есть масса способов попроще. И потерпевшие, конечно, вряд ли его возлюбили. Так что за Алый Цветок?

Мердок медленно покачал головой.

– Спросите у бабушки, Стравински, – посоветовал он серьезно. – Раз вас не посвящают в некоторые моменты, я не рискну вам о них рассказывать.

– Непременно! – едко ответила я. – Так зачем вы меня искали, *господин следователь*?

Мердок пропустил обращение мимо ушей.

– Ах да! – Он полез в карман пиджака и вынул знакомый листок бумаги. – Извольте объяснить, что это за шифровка?

– Я же все написала, – пожалала плечами я. – Это рисунок на теле того зомби.

– И вы изобразили все в точности? – не отставал следователь.

– Насколько смогла, – ответила я с прорвавшимся раздражением. – Извините, художественную школу не заканчивала!

– Вот как? – Мердок прищурился и вдруг велел: – Пойдемте, Стравински!

– Куда? – не поняла я.

– В морг, разумеется! Слушать отчет Ульва. Или вас больше не занимает дело Кукольника?

– Занимает, – буркнула я, поднимаясь. – Еще как!

Я уже влипла в эту историю по пояс и чем дальше, тем больше в нее погружалась.

Пожалуй, действительно стоит поговорить с бабулей. По душам...

Неладное я заподозрила еще на подходе, за квартал до морга.

Притормозила и прислушалась.

– Стравински? – оглянулся Мердок. – Что-то стряслось?

– Тсс! – Я приложила палец к губам и схватила его за рукав. – Тихо!

Мердок являл собой образец вежливого недоумения (хорошо хоть молчаливого!). Ну да, он же у нас недавно, так что не в курсе.

– О нет! – простонала я, сообразив, что музыка мне не почудилась.

Я рванула вперед (вдруг еще не поздно?!), но была остановлена твердой рукой.

– Немедленно объясните, что происходит! – потребовал Мердок, легко удерживая меня за полу форменного кителя. Хорошо хоть не поднял за шкурку, как котенка! – Ну же, Стравински, я жду!

Пришлось выпрямиться, глубоко вздохнуть и отрапортовать:

– Ульв ушел в запой!

Одно удовольствие было наблюдать, как Мердок растерянно хлопнул глазами.

– До сих пор мне не доводилось слышать об эльфе-алкоголике, – заметил он. – Вы уверены, Стравински?

Интересно, а что, ему доводилось встречать других эльфов-патанатомов?

– Уверена, – вздохнула я. – Только речь не о том. Это музыкальный запой. У него иногда бывает. Пойдемте, я по дороге расскажу.

Это оказалось легче обещать, чем сделать. Я молчала, собираясь с мыслями.

Мердок шагал рядом, и только сжатые губы выдавали его недовольство.

– Любопытно, – произнес он в пространство. – Чем может упиться эльф? Насколько мне известно, его организм без труда переработает даже смесь спирта с формалином. И почему его до сих пор не уволили за нарушение правил трудового распорядка? Я уж не говорю об общественном спокойствии, которое этот грохот явно нарушает.

Какой же он все-таки зануда!

Мои слова насчет музыки явно пропустил мимо ушей.

От злости я растеряла почти подобранные слова.

– Послушайте, Мердок! – рявкнула я, резко остановившись. – Ульв – отличный специалист. У него есть свои недостатки, но...

– Стравински, – скучающим тоном перебил он, – прекратите. Я уже осознал, что эта тема для вас болезненна. Позвольте мне взглянуть собственными глазами.

И, не дожидаясь моей реакции, каменным истуканом зашагал прочь.

Повернув за угол, Мердок чуть притормозил, в задумчивости шевельнул губами, прислушиваясь к раскатам музыки, и молча продолжил путь.

Возле двери в морг грохот стал почти непереносим. В голове словно гудел колокол, и звуки то походили на звон металла, то становились глухими, как из бочки.

Следователь без раздумий рванул дверь на себя и невольно пригнулся.

Как там поют сородичи Ульва? «Шумел азгос, маллорны гнулись, и ночка тихою была...»

К этому моменту я успела успокоиться и снова дернула его за рукав.

Мердок обернулся, поднял брови, и я вымолвила одними губами: «Быстро берем нужное и уходим!»

Если, конечно, удастся что-то найти, прежде чем мы свихнемся! Но этого я говорить не

стала.

Мердок кивнул и, взяв меня за локоть, двинулся вперед...

Ульв лежал на знакомой поляне, раскинув руки и ноги, и напоминал упавшего на спину жука. На наше появление он не отреагировал, как и на мои попытки его растормошить.

Как будто правда под кайфом, только дозой ему служила музыка.

– Ульв, очнись! – потребовала я, хорошенько его встряхнув. Своего голоса я не слышала. – Где наш отчет, Ульв? Ну?!

В таком состоянии эльф мог пребывать от суток до недели, а расследование ждать не может.

– Ульв, чтоб тебя!

И в сердцах добавила несколько слов, за которые Мердок меня бы или оштрафовал, или заставил вымыть рот с мылом.

Ульв же... улыбнулся.

Обратил на меня затуманенный взор и чуть шевельнул пальцами. Какофония сменилась неторопливой тягучей песней под аккомпанемент гитары и ударных.

Только по-прежнему слишком громко.

– Ани! – шевельнулись обветренные губы.

Я смогла перевести дух, а Мердок встряхнулся и обошел поляну по периметру.

Минуту спустя он выволок откуда-то из-за куста вяло шевелящегося зомби (кажется, оглушенного звуковым ударом), к груди которого синей изолентой был прикреплен канцелярский файл с отчетом.

«Уходим!» – просигналил мне Мердок.

Я молча кивнула и последовала за ним. Мы держались друг за дружку: Мердок за зомби, я за Мердока.

– А я вольный, как драконы в небесах!.. – летело нам вслед.

Мердок заговорил, только когда мы устроились в его кабинете:

– Стравински, если вам понадобится труп, где вы его возьмете?

Я хмыкнула: ничего себе вопросы! – и задумалась.

– Просто труп? Или какой-нибудь особенный?

– Насколько я могу судить, господин Немо, назовем его так, вполне обычный мертвец, – произнес Мердок задумчиво, листая записки Ульва. – Точнее, был им до акта условного оживления.

– Криминальный? – уточнила я, покосившись на застывшего в углу, у вешалки, зомби. Он чуть покачивался, однако в целом вел себя тихо.

На улице было уже по-летнему жарко, но на «господине Немо» это пока не сказывалось. Он по-прежнему отличался от нормального человека только некоторой заторможенностью и придурковатостью (хотя такими и живые люди бывают).

– Учитывая, что причиной смерти являлось проникающее ранение в область левого предсердия, – Мердок не отрывался от отчета, – то криминальный.

– Логично, – заметила я. – Если Кукольник использует магию, чтобы сделать зомби похожими на людей, то проще всего взять свежие и более-менее чистые тела.

– Чтобы не пришлось излишне напрягаться, – подхватил следователь, подняв на меня взгляд. – Вы правы, Стравински. Итак, где можно обзавестись подходящим свежим трупом?

– Кладбище отпадает, – поморщилась я. – Даже если Кукольник захочет возиться, это

лишние проблемы. Отпугнуть или подкупить сторожа, найти свежую могилу, выкопать гроб... К тому же попробуй угадай, в каком состоянии тело! Вдруг это был утопленник или давленник?

– Разумеется. – Мердок откинулся в кресле, изучая меня каким-то странным взглядом. – Хотя узнать причины смерти несложно, поскольку при погребении предъявляется соответствующая справка.

– Думаете, смотритель в доле? – сообразила я. – Тогда Кукольник может и руки не пачкать, ему все готовенькое преподносят!

– Возможно. – Следователь пожал плечами. – Проверить это не составит труда, поскольку в городе единственное кладбище, где разрешены погребения в земле, а не в огне.

Я кивнула: прах к праху – это неплохая гарантия от неупокоенных мертвецов, поэтому у нас многие предпочитают хоронить оставшийся от сожжения пепел.

Исключение делается только для нескольких конфессий, чьи верования не позволяют сжигать тела. Хотя у нас, в Ёжинске, таких немало, если судить по растущему год от года кладбищу.

– Но ведь это в городе, а что, если тела Кукольник добывает где-то еще? Ведь он может быть и неместным, раз начал не тут. Просто гастролер.

– И доставляет сюда? – усомнился Мердок. – Полагаю, значительно проще и удобнее обзаводиться... хм, материалом на месте.

– Или же он привозит уже поднятых зомби! – И сама себе возразила: – Нет, на основных трассах стационарная защита. Ее можно преодолеть, конечно, но тоже лишняя морока.

Все полицейские знали, что посты автоинспекции предназначались не только и не столько для отлова обнаглевших водителей. Еще живы были в памяти события сорокалетней давности, когда шестеро высших некромантов устроили такие беспорядки, что аукалось всему юго-востоку страны. Бабуля много рассказывала о Ночи поднятых мертвецов...

– Итак, кладбище мы с вами проверим. – Мердок сделал пометку в дорогом блокноте с кожаной обложкой. – Что еще?

Это «мы с вами» прозвучало совсем обыденно. Похоже, господин следователь смирился с тем, что ему дали меня «в нагрузку», или все же убедился, что от меня есть толк (надеюсь, последнее).

– Постойте! – спохватилась я. – Но раз господин Немо, – я решила называть его так же, – убит, то должно быть уголовное дело!

Мердок одобрительно кивнул.

– Соображаете, Стравински! – И тут же все испортил: – А если имеется уголовное дело, то господин Немо должен был побывать в морге.

Я наконец поняла, почему он так странно на меня смотрел.

– Да ну, бред же! – Я мотнула головой, пытаюсь вытрясти из нее эту несуразную мысль. – Зачем это Ульву?

– Я бы предположил денежный мотив, – начал Мердок с готовностью, но я перебила:

– Глупо. Конечно, зарплата патанатома невелика, но он всегда может подработать.

Скажем, толкнуть на сторону палец висельника.

Мердок поморщился (мой лексикон ему явно не нравился) и повторил терпеливо:

– Я бы предположил денежный мотив, но не в этом случае.

Я заставила себя говорить спокойно:

– Раз не деньги, то что?

– Игра, – пожал плечами Мердок. – Или, скажем, желание произвести на вас впечатление.

Хм, а вроде при мне головой не ударялся...

– Чего?! – совсем по-простецки спросила я. – Простите, господин следователь, вы с ума сошли?!

– Возможно, – тем же невыносимо бесстрастным тоном произнес он. – Однако глаз и ушей я еще не лишился. И уверяю вас, толки о ваших отношениях с Ульвом мне успели пересказать не раз. А также версию о том, что вы его ухаживания отвергли.

– Понимаю, – выговорила я сквозь зубы. – И вы, конечно, поверили!

– Мне нет дела до вашей личной жизни, Стравински, – ровно ответил Мердок, постукивая пальцами по подлокотнику. – Однако вы не можете отрицать, что Кукольник явно к вам равнодушен. И что некий эльф также может питать к вам нежные чувства.

Я подумала – и вынула сигареты. Переживет господин следователь порцию табачного дыма, а мне срочно надо охладить голову.

Мердок поморщился, однако молча подал блюдо.

– Так или иначе, но я обязан проверить все версии, – заключил он. – Патанатомы – наиболее очевидные подозреваемые, согласны? Они владеют магией смерти, что мало кому подвластно, следовательно, могут поднять зомби и вполне способны раздобыть десяток трупов для своих нужд. И если верить отчету, – следователь похлопал ладонью по лежащим на столе записям, – аура мага зачищена прямо-таки виртуозно, что указывает на его высокую квалификацию.

– Тогда почему не другие медики? – спросила я чуточку излишне торопливо. – Я имею в виду, есть же второй городской морг! И это у нас Ульв единственный сотрудник морга, а там и сторож, и патанатом, и практиканты бывают.

– Безусловно, это мы тоже проверим, – не стал спорить Мердок. – Однако у господина Немо, несмотря на признаки насильственной смерти, не имеется никаких следов швов, и вы ведь понимаете, что это означает?

– Понимаю, – нехотя кивнула я после двух затяжек. – Или заключение о вскрытии фиктивно, или его осматривал Ульв, который тела не разрезает, или его через отчетность вообще не проводили.

– Верно, Стравински. – Мердок поднял на меня усталый взгляд. Глаза у него покраснели и ввалились (интересно, а он вообще спал этой ночью?), а запавшие щеки словно заштрихованы тенью – щетиной. Однако рубашка выглядела по-прежнему свежей, а костюм – безупречно отглаженным. – Итак, крематорий пока можно исключить. Без справки о причинах смерти тела там не принимают, и там далеко не единственный сотрудник, так что любые злоупотребления быстро всплывут. Мы с вами проверим кладбище и второй морг.

– Завтра? – спросила я без особого энтузиазма.

– Разумеется, – к моей вящей радости ответил Мердок. А ведь мог заставить срочно мчаться куда-нибудь. Я раздавила сигарету в блюде, а он продолжил: – Не переживайте, Стравински. Вполне вероятно, что ваш Ульв ни при чем. Кукольник вполне мог, так сказать, изготовить себе материалы самостоятельно.

Я прикусила язык, чтобы не высказаться насчет «вашего».

Пожалуй, я и так чересчур испытывала терпение Мердока.

– Но разве это уже совсем не другая статья? – неуверенно спросила я. – Одно дело – поднять зомби, а другое – сначала человека убить, а потом поднять.

– Другая, – согласился Мердок. Следователям полагается быть более подкованными в уголовном праве. – В первом случае наказание вполне может ограничиться исправительными работами на срок до трех лет. Хотя годами перебирать крупу – тоже удовольствие ниже среднего... Однако с тридцатью годами перевоспитания в астрале не сравнить.

– Да уж, – передернулась я, вспомнив обязательные школьные уроки труда и медитации. – Кстати, стоит еще, наверное, поискать господина Немо в списках пропавших? Вдруг это даст какую-нибудь зацепку?

– Сомневаюсь. – Мердок устало потер переносицу. – Хотя попробовать стоит, раз уж в наши руки попал хоть один зомби. И следует осмотреть самого господина Немо.

– Поискать особые приметы? – уточнила я без воодушевления.

Зомби действительно был нашей большой удачей, хоть и предвещал массу дурной работы.

До сих пор найти следы «игрушек» Кукольника толком не пытались. Из свидетелей много не выжмешь (к тому же Кукольник умело выбирал время и место ограбления, так что с очевидцами было негусто), а магия смерти сильно фонит, так что запись на кристаллах наблюдения получалась размытой.

Теперь у нас имелась конкретная жертва, но в ее поисках предстояло перешерстить все списки пропавших за последний месяц.

– Именно, – подтвердил Мердок. – Приступим, Стравински?

И мы приступили...

Странное чувство испытываешь, раздевая мертвое тело, которое тем не менее способно двигаться и говорить.

Господин Немо временами шевелился, как будто ему было щекотно, и я заставила себя не обращать на это внимания. Это всего лишь труп, без собственной памяти и желаний.

И меня это, если честно, утешало. Хотя для нашей работы было бы удобнее, сохраняйся личность и после смерти. Сколько бы расследований свелось к простому алгоритму: поднял, спросил, кто убийца, упокоил!

Увы, смерть мозга стирает все воспоминания.

Иное дело – душа, она-то все помнит, однако выдергивать ее в мир живых строжайше запрещено.

В этом плане раньше следователям было проще – они могли вызвать и допросить духов. После Ночи восставших мертвецов законы о спокойствии мертвых сильно ужесточили. А за насильственный вызов духа, между прочим, светит «вышка»!

С другой стороны, вряд ли лично я обрадовалась бы какому-нибудь настырному некроманту, которому вздумалось бы лишить меня заслуженного посмертия. Ведь еще никто не научился возвращать души обратно в рай, ад или что там умершим сулят их верования.

Хорошо хоть с «естественными» призраками мы общаться вправе – строго в оговоренных случаях и с соответствующей санкцией, но хоть так.

А зомби вообще только в научных целях можно поднимать...

Я снимала с господина Немо вещь за вещь, осматривала и передавала Мердоку. Он, в свою очередь, изучал все предметы туалета зомби, вносил в протокол и аккуратной стопочкой (кто бы сомневался!) складывал на столе. Происходило все это в полном молчании, поэтому, когда Мердок при виде обуви господина Немо издал какое-то восклицание, я подскочила и так резко обернулась, что зомби промычал что-то

протестующее.

Мердок обеими руками держал поношенный ботинок, всматриваясь в подошву так, словно надеялся отыскать там имя убийцы.

– Взгляните, Стравински, – позвал он негромко, и я опрометью рванула к нему.

Интересно, что он там нашел?!

Ботинок как ботинок, довольно потертый, с двухсантиметровым каблуком. Кожа кое-где потрескалась, и подошва носила следы недавней починки.

Мердок правильно интерпретировал мое недоуменное молчание.

– Не видите? Вот тут, смотрите. – И ткнул пальцем куда-то рядом с каблуком.

Я наклонилась поближе.

А руки у него ухоженные, и пальцы изящные, как у музыканта.

Так, что за неуместное эстетство?!

Я послушно прищурилась, пытаюсь разобрать, на что он указывает, и восхищенно выругалась.

– Он сдавал обувь в ремонт! И мастер подписал на ней его фамилию!

– Верно, Стравински. – Мердок, кажется, впервые искренне улыбнулся.

И нельзя было удержаться и не ответить на эту неожиданную улыбку.

– Надпись сохранилась не вся, что и неудивительно, – продолжил Мердок привычным менторским тоном, глядя мне прямо в глаза. – Однако первый слог вполне можно разобрать. «Бел».

А я вдруг сообразила, что мы стоим совсем близко.

– Я в архив? – предложила я тихо. – Поищу в списках пропавших фамилии на «Бел». Белов? Белинский? Беллинсгаузен?

«Трусиха!»

Мердок шагнул в сторону и взял свои записи.

– Идите домой, Стравински, – не оборачиваясь, велел он. – Уже поздно. Продолжим завтра.

Недоосмотренный зомби печально мялся в сторонке.

– Конечно, – пробормотала я. – До свидания!

Следователь только кивнул, и я ретировалась.

Уф, ну и денек!

Бьюсь об заклад, сегодня мне будут сниться зомби, мадам Цацуева и бриллианты...

Проснулась я снова от грохота.

– Роза! – с чувством сказала я, нащупывая будильник.

Чьих рук дело, можно даже не сомневаться: все безобразия в доме творит моя милая сестренка.

Я с трудом продрала глаза и уставилась на циферблат.

Сколько-сколько? Половина девятого?!

Тихо ругаясь, я подскочила с постели и ринулась на первый этаж.

Хоть чашку кофе перехватить и зубы почистить! На душ и косметику времени уже не оставалось – через двадцать минут оперативка.

На кухне суетилась Дис – пожилая гномка, неизменная и незаменимая помощница по хозяйству, – собирая осколки чашки.

Я снова протерла глаза: чтобы она что-нибудь разбила?!

Дис – четвертая и последняя обитательница нашего особняка на улице Луговой. На ее крепких плечах лежит все хозяйство, от готовки до забивания гвоздей.

Последним ей тоже приходилось заниматься, потому что наш дом – женское царство. Из мужчин здесь последним бывал отец Розочки. В отличие от моего, он ушел отсюда живым, хоть и не вполне целым...

Гномка подняла голову, продолжая сноровисто ликвидировать беспорядок.

– Госпожа Анна, доброе утро. Оладьи будут через пять минут.

– Оладьи?! – простонала я, рукой прихлопывая заурчавший живот.

– С яблоками, – подтвердила Дис, выбрасывая осколки в ведро.

Желудок опять громко напомнил о себе.

– Только кофе, – отказалась я. – Извини, опаздываю.

И рысью помчалась умываться.

Одевалась я, что называется, в прыжке.

Уже на пороге меня догнала Дис и сунула теплый сверток.

– Перекусите потом! – велела она непререкаемо.

Спорить времени не оставалось, и, кое-как запихнув пакет в сумку, я помчалась на работу.

Дежурный в райотделе при виде меня вытаращил глаза и замахал руками.

– Тебя искал Сам! – Он ткнул вверх похожим на сардельку пальцем.

– Чандлер? – на всякий случай уточнила я.

Шеф обычно снисходит только до следователей, а для заурядных домовых вроде меня инструктаж проводит его зам, Басюн.

Дежурный энергично закивал, и я, ругаясь про себя, устремилась на второй этаж, перепрыгивая через ступеньки. Понятия не имею, как этот акробатический трюк (я же на каблуках!) обошелся без травм.

Запахавшись, я влетела в кабинет начальника... и оказалась в центре внимания.

– Домовой Стравински, какая честь! – прорычал Чандлер, наклонив голову.

«Попала», – сообразила я.

Опоздала я на каких-то пять минут, но это уже ничего не меняло.

– Простите, – понурилась я. – Это больше не повторится!

Не тут-то было, Чандлер уже запустил зубы в добычу и не собирался так легко ее отпускать.

– Красоту навели? – еще больше разошелся он.

А вот это уже было откровенно несправедливо: на моем лице не было и следа краски, а волосы небрежно стянуты в конский хвост.

Кстати, кое-кто из женщин-полицейских щеголяет даже акриловыми когтями, хотя ума не приложу, как они ими протоколы печатают. Мои собственные обстрижены накоротко и без следов лака.

– Простите, – повторила я, опустив глаза. – Я проспала.

Роза бы в этот момент похлопала мгновенно увлажнившимися глазами, и инцидент был бы улажен. Но я не просто хорошенькая девушка, я – домовой при исполнении!

Чандлер побагровел, и даже сквозь короткие рыжие волосы проступила краснота, особенно заметная на лысине.

– Вы спали! – заорал он, грохнув кулаком по столу. – Вот так, да? Вы преспокойно спали! Вам плевать и на Кукольника, и на то, что на вашем участке пропал человек?!

– Прошу извинить меня, господин полковник, – раздался знакомый холодный голос. – Домовой Стравински вчера допоздна пробыла со мной.

Чандлер словно подавился криком и вытаращился на Мердока.

Остальные молчали, с любопытством вороньей стаи наблюдая за представлением.

– Э-э-э? – выдавил полковник, не рискнув, впрочем, спросить, чем же мы с Мердоком занимались вместе.

Тот пояснил сам:

– У нас с домовым имеются любопытные сведения о личности того зомби.

– Постойте, – перебила я, позабыв о субординации. – Кто пропал?

Почему-то первым делом в голову пришел господин Ярый.

Чандлер потер лоб, налил себе воды из кувшина и залпом выпил.

– Некая мадам Цацуева, – объяснил он уже тише. – И у нас есть заявление сестры потерпевшей, которая подозревает лично вас, Стравински!

– Подозревает меня? И в чем же? – Я пыталась не вспылить.

Чандлер ахнул по столу ладонью так, что стакан подпрыгнул.

Затем привстал и подался вперед.

– Шутки шутите, домовой? – Он смотрел мне прямо в глаза, и под тяжестью этого взгляда хотелось поджать хвост и заскулить.

И ведь он утюжит меня при всех! Значит, дела и правда плохи.

– Никак нет, господин полковник! – отчеканила я, вытянув руки по швам.

Меня раздирали неверие, злость и, что скрывать, постыдная радость. Мадам Цацуева попила мне немало крови – отдельные граждане умудряются это проделывать, даже не будучи вампирами.

Однако ее исчезновение могло доставить еще больше неприятностей, чем живая и деятельная мадам собственной персоной.

– Это хорошо, – кивнул Чандлер. – Потому что все выходит складно. Вчера эта гражданка подала на вас жалобу, домовой, за отказ принять у нее заявление. И той же ночью она пропала из собственного жилища. И свежие следы вашей ауры имеются у ее двери. Впечатляет, а?

– Да, – вынужденно признала я, чувствуя неприятный холодок меж лопаток. Уж очень

складно! – Разрешите объяснить, господин полковник?

– Стравински, – он грузно опустился в кресло, – мне ваши объяснения...

И безнадежно махнул рукой.

– Я отстранена? – уточнила я.

Курить хотелось отчаянно.

Надо попросить у Розы какой-нибудь успокаивающий эликсир, а то нервы совсем сдают.

Хотя если так дело пойдет, то нервничать мне особо не придется – валяйся в гамаке в саду, кушай клубнику с малиной... и мрачно прикидывай, подойдет ли вот эта милая яблонька, чтобы на ней повеситься.

– Пока нет. – Чандлер с силой потер лоб, а я выдохнула. – Но на волоске. Возьмите пару дней отпуска.

– Позвольте, господин полковник, – снова вмешался доселе молчавший Мердок. При всей безукоризненной вежливости тон его неумовимо напоминал кастет под мягкой перчаткой.

– Говорите, – разрешил Чандлер, смерив следователя хмурым взглядом.

– Передайте домового Стравински под мою ответственность, – предложил Мердок. – Мне не мешает помощь, а домовой показала себя как компетентный и старательный полицейский.

– Э-э-э, – протянул Чандлер, явно не ожидавший такого поворота. Подумал и снова махнул ручищей: – Ладно. Работайте. Только, домовой... – он драматично понизил голос, – вы не должны ни на шаг отходить от следователя Мердока. Прилепите к нему, как репейник к собаке. Это понятно?

Я готова была поклясться, что заметила на губах Мердока легкую улыбку.

– Так точно, господин полковник! Разрешите исполнять?

– Исполняйте, – вздохнул Чандлер, плеснул себе еще воды и в упор посмотрел на Мердока. – Занимайтесь только Кукольником. Остальные дела потом передадите.

– Так точно, – сдержанно откликнулся тот.

– Вот и ладно. – Чандлер залпом выпил воду и приказал: – А теперь выметайтесь. Работайте, Мердок! И надеюсь, вы стоите своей репутации!

– Постараюсь соответствовать. – Мердок вежливо наклонил голову и поднялся.

Под любопытствующими, злорадными и сочувствующими взглядами коллег мы прошагали к выходу.

Мердок учтиво открыл передо мной дверь (джентльмен!), и мы вышли.

Только оказавшись в коридоре, я обнаружила, что руки у меня дрожат. От взгляда Мердока это тоже не укрылось.

– Пойдемте! – велел он коротко и, не оборачиваясь, зашагал к своему кабинету.

За истекшие часы там ничего не изменилось: тот же флегматичный зомби в углу, та же, почти вызывающая, респектабельность обстановки...

– Курите, Стравински! – Мердок вручил мне тяжелую хрустальную пепельницу.

– Спасибо, – пробормотала я, пристраивая ее на столе рядом.

Неужели специально ради меня купил?! Наверное, боялся, что я испорчу то милое блюдо.

Я чиркнула спичкой, прикурила... и почувствовала, как понемногу отпускает.

А ведь все обошлось, можно сказать, малой кровью.

Сигарета помогла собраться с мыслями.

– Господин следователь, – начала я официально, задушив окурок, – разрешите обратиться?

Он бросил на меня взгляд и кивнул:

– Излагайте, домовой!

Ужасно подмывало спросить, почему он за меня заступился (похоже, этого-то вопроса Мердок и ждал), но глупостей на сегодня хватит.

– У меня приказ везде следовать за вами, – тщательно подбирая слова, произнесла я. – Я обязана подчиниться. Но я должна разобраться в этой истории с пропажей мадам Цацуевой. Как минимум узнать, почему вдруг я оказалась к этому причастна!

Мердок на меня не смотрел.

– И вы просите меня... в нужный момент отвернуться, скажем так?

– Да. – Я сглотнула горькую слюну и выговорила решительно: – Пожалуйста!

Он подумал несколько мгновений и медленно покачал головой:

– Сожалею, Стравински, однако я не могу...

Речь (в которой наверняка говорилось бы о долге и чести) прервал грохот.

Мы дружно подскочили и обернулись.

Сконфуженный зомби переминался с ноги на ногу у перевернутой вешалки. Пришлось срочно ликвидировать беспорядок. Хотя что там того беспорядка? Пол в кабинете чистый, так что запасной пиджак не пострадал.

Но Мердок поднял свою одежду с таким видом, словно она безнадежна испорчена. Аккуратно сложил, подошел к столу и что-то пометил в ежедневнике.

Я тихонько скосила глаза.

«Пиджак. Химчистка» – гласила лаконичная запись.

Хм, а на письмо его велеречивость не распространяется... И все же, срочно стирать вещь, которую достаточно отряхнуть?!

Мердок тем временем снова устроился в кресле.

– Не припомните, на чем мы остановились?

– На том, что вы собирались мне отказать, – сказала я мрачно.

В самом деле, просить о помощи этого зануду и формалиста было глупо.

Мердок дернул уголком рта и проговорил ровно:

– Сожалею, но я не могу позволить вам нарушить прямой приказ полковника.

Отвернувшись, я прикусила изнутри щеку, чтобы не ответить резкостью.

– Однако я вполне осознаю, что для вас невыносимо томиться в неизвестности, – неожиданно продолжил Мердок. – Запрет, насколько я могу судить, не распространяется на случай, если что-либо разузнавать вы станете в моем присутствии. Полагаю, такой вариант вас устроит?

Это меньше, чем я надеялась, но больше, чем могла рассчитывать.

А уж от него я такой уступки уже и не ждала.

– Да, спасибо! – ответила я, незаметно вытирая о юбку вспотевшие ладони.

Конечно, при Мердоке многие мои приятели поостерегутся откровенничать (эта его манера изображать недремлющего судию не одной мне действует на нервы), но хоть что-то разузнаю!

Хм, а ведь он умудрился обойти прямой приказ.

– Пока не за что, Стравински, – скупой улыбнулся следователь. – Кроме того, некоторое представление о ситуации вам могу дать и я.

– Вы? – поразилась я. – Откуда?!

– Скажем так, для наших сослуживцев не секрет, что меня занимает ваша персона, – обтекаемо ответил Мердок, и я чуть не разинула рот.

Он что, подрядил своих шпионов разузнать обо мне?!

«Так, Стравински, успокоиться! – велела я себе, до боли стиснув кулаки. – Он же уже что-то такое говорил. Что ему донесли про меня и Ульва».

– Так что вы узнали? – не удержалась я.

– А что вас интересует в первую очередь? – Мердок прищурился.

На мгновение задумавшись, я перечислила:

– Первое. Почему дело о пропаже человека возбуждено так скоро? Еще ведь и сутки не истекли! Второе. Почему меня подозревают в причастности к ее исчезновению? Ну, тут Чандлер кое-что объяснил, но все равно. Третье. Кто ведет следствие?

Мердок одобрительно кивнул, и я почувствовала себя студенткой, сдавшей экзамен строгому преподавателю.

– По первому вопросу могу сказать следующее. Вчера вечером мадам Цацуева разговаривала по блюдцу с сестрой. В дверь позвонили, и потерпевшая, не прерывая разговора, пошла открывать. Блюдце у нее переносное, в пределах двора связь ловит. Со слов сестры, она успела услышать: «Вы?! Не ожидала вас тут увидеть!», после чего связь прервалась. Попытки восстановить ее не удались, и когда сестра потерпевшей вызвала наряд и примчалась, что заняло у нее примерно сорок минут, дверь оказалась открыта, блюдце было брошено во дворе, в доме явно что-то искали, а сама мадам Цацуева исчезла. При таких обстоятельствах, разумеется, заявление у сестры приняли немедленно.

– Бред. – Я помотала головой. – Если это было ограбление, то зачем куда-то увозить хозяйку? А если кому-то понадобилось ее похитить, хоть мне и странно в это поверить, то к чему шарить по дому?

– Возможно, это попытка инсценировки, – предположил Мердок, пожав широкими плечами. – Либо похититель не удержался и прихватил заодно сбережения жертвы. Далее. На вас указывают следующие обстоятельства. Во-первых, как раз накануне исчезновения у вас с потерпевшей произошел конфликт. Во-вторых, похитителя она явно узнала, притом обратилась к нему на «вы». И наконец, в-третьих, на месте событий сняли слепки ауры, и среди них только два недавних не принадлежат самой хозяйке. Это ваш след, а также полустертый след некоего тролля, предположительно Хельги, сына Гренделя, которые проживают по соседству.

Хм, а Хельги-то там что делал?! Или это не он?

– У всего этого есть логичные объяснения! – возмутилась я. – Конечно, я недавно была возле калитки мадам Цацуевой. Я же домовой, обходила подведомственную территорию! А «вы», кстати, может означать и множественное число.

В самом деле, чтобы похитить такую... увесистую красоту, нужны или сообщники, или недюжинная сила. Положим, вырубить ее несложно и одиночке, но как потом транспортировать?

Хотя стоп. Кто сказал, что ее унесли, а не увели под дулом пистолета?

– Вполне возможно, – не стал спорить Мердок. – Однако вы ведь понимаете, что проверить необходимо все возможные варианты. Хотя бы для того, чтобы с чистой совестью их отбросить.

– И кто будет проверять? – едко поинтересовалась я.

Быть подозреваемой (хотя бы формально, а не процессуально) мне как-то до сих пор не доводилось.

Непередаваемый опыт. В смысле непередаваемо гадостный.

– Стелла, – поморщился Мердок.

– Эта... фифа?!

Я возмутилась до глубины души.

Стеллочка по прозвищу Безвинная, данному за ее коронную фразу: «Не виноватая я! Оно само!», в райотделе не работала, а только числилась.

Эта милая девушка – дочь одного высокого чина, который решил куда-нибудь пристроить кровиночку в тщетной надежде вложить в ее блондинистую головку хоть немного ума.

Поначалу ей расписывали самые несложные дела, но она умудрилась запороть и их, так что начальство мудро решило больше не рисковать. Например, Стеллочка ухитрилась сделать две ошибки в фамилии прокурора и расшифровать УК как «уголевный кодекс», а «ст.» – как «станция».

И распутывать эту мутную историю поручили именно ей?!

Судя по выражению лица, Мердок мое отношение к Стеллочке разделял.

– Лучше попробуем разобраться самостоятельно, – сдержанно заметил он. – Итак, начнем с очевидного. У кого имелся мотив?

– Да у кого угодно, – не задумываясь, ответила я. – Мадам Цацуева в разное время насолила всем соседям.

– Вы можете припомнить ее последние жалобы? – взяв карандаш и блокнот, спросил Мердок.

Ах эта его страсть все фиксировать! Поневоле вспоминалось сакраментальное: «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас!»

– Конечно. – Я пожалала плечами. – Водяной Ихтиар, который якобы содержит наркопритон. И еще Хельги, которого мадам Цацуева обвинила в покушении на ее честь.

Не удержавшись, я хмыкнула.

Мердок приподнял бровь. Похоже, фото потерпевшей он еще не видел.

– Помните тех троллей, которые помогли мне поймать вот этого красавца? – Я указала на господина Немо. – Вот это они были. Хельги – младший из троллей. А тех соседок, которые вас вызвали? Там была бабка-одуванчик и такая дама в теле. Полная – это как раз мадам Цацуева.

– Разумеется, помню, – кивнул Мердок. – Итак, нам нужен план.

– План? – Я задумалась. – Конечно, Ихтиара и Хельги нужно опросить, но вряд ли они правда к этому причастны.

Мердок покачал головой:

– Вы слишком узко мыслите, Стравински. Не в обиду будет сказано, однако вы привыкли мыслить тактически, как и полагается хорошему домовому.

– Что в этом плохого? – оцетинилась я.

– Ровным счетом ничего. – Мердок выглядел скучающим, только глаза насмешливо блестя. – Давайте попробуем рассуждать логически. Необходимо проработать следующие версии: потерпевшая ушла добровольно, уведена насильно, унесена живой или мертвой. Что скажете?

Не люблю все эти пункты и подпункты, хотя что-то в этом есть.

– Добровольно уйти могла, – согласилась я нехотя. – Может, с кавалером сбежала? Хотя

вряд ли. Смысл устраивать такую сцену? Скорее, она организовала все намеренно, чтобы попортить кровь соседям и мне. Это вполне в ее духе. Только родню бы она вряд ли заставила переживать. Так что надо бы глянуть на эту сестру.

– Принимается, – не стал возражать Мердок. – Далее ваши соображения?

Я вынула пачку, взглядом попросила разрешения закурить. Он не стал возражать.

– Мертвое тело точно нет смысла уносить. Тем более такое... увесистое! Если бы хотели скрыть труп, не обставляли бы все так театрально. Остается угроза или прямое насилие.

Я хмыкнула, в красках вообразив, как бедные похитители волокли бесчувственную мадам Цацуеву. Надеюсь, не надорвались?

– Искать, кому выгодно, тоже нет смысла, – продолжила я задумчиво. – Детей у мадам Цацуевой нет, мужа тоже. Остается сестра. Ну и соседи, если брать мотив мести. Опять приходим к тому же.

– На самом деле меня весьма интересует другой вопрос, – признался Мердок. – Отчего потерпевшая открыла дверь, невзирая на столь позднее время? По словам сестры, было около двадцати двух часов. Полагаю, нехарактерное поведение для одинокой женщины.

– Она кого-то ждала! – азартно выкрикнула я и тут же смутилась. – Простите.

– Мне нравится ваш энтузиазм, Стравински, – улыбнулся Мердок и встал. – Пожалуй, начнем с визита к троллям. Пойдемте?

– Идем! – Я одернула проклятую узкую юбку.

Не просить же Мердока подождать под дверью, пока я буду переодеваться!

Ладно, это мелочи. Только бы поскорее разобраться в этой истории!

Мердок прихватил шляпу и вежливо распахнул передо мной дверь (я уже начала привыкать к его изысканным манерам).

– А как же Кукольник? – спохватилась я. – Мы ведь собирались поискать в архивах дело господина Немо!

– Успеется. – Мердок повел рукой, приглашая пройти на выход. – К тому же думается мне, что вся эта кутерьма вокруг вас неспроста. Давайте попробуем потянуть за эту ниточку, а после разберемся с остальным. Прошу!

Я стиснула зубы и вышла. Мердок последовал за мной.

И только позабытый зомби печально мялся в углу...

До Виноградской мы домчались с шиком – на такси.

Мердок галантно помог мне выбраться из автомобиля, и я направилась напрямиком к дому троллей.

Зацвели сливы, и в белой пене лепестков это нагромождение камней выглядело даже приветливо. И запах... Я позволила себе на мгновение прикрыть глаза и насладиться благоуханием цветущих садов.

Птицы поют, пчелы жужжат – красота!

Бабка Марья наблюдала поверх забора, для удобства подложив вместо ступеньки чурбачок.

Ох какие слухи пойдут!

Кстати, надо бы ее порасспросить насчет мадам Цацуевой (ее дом почти напротив), вдруг что-то видела или слышала? Главное, не забывать делить все рассказанное на десять, а лучше на двадцать.

В писатели бы бабке Марье податься, с ее-то неумным воображением!

– Хозяева! Эй, хозяйева! – привычно завела я, и Мердок удивленно на меня покосился.

«Эх, белая кость! – подумала я снисходительно. – Не знаете вы быта и нравов частного сектора!»

Тролли всё не отзывались.

Наконец бабка Марья не выдержала:

– Милка, да в запое они!

– И давно? – удивилась я.

Как говорится, вчера еще ничего не предвещало.

– Так с утрачка прямо! – охотно поделилась бабка Марья. – Как ваши-то приехали, так тролли эти окаянные что-то там у себя бузить начали. А потом чую – звон. Кубками своими звенят, ироды!

И осуждающе покачала головой.

Я усмехнулась. Тролли действительно всегда пили из вместительных пол-литровых посуды, просто потому, что обычные рюмки им как слону дробина.

– А вы уверены, что они по-прежнему там? – осведомилась я, дернув за рукав Мердока, который уже открыл было рот.

– Да где ж им еще быть? – всплеснула руками бабка, чуть не сверзившись при этом со своей ненадежной опоры. – Звенят, и бубнят чего-то, и шебуршат!

Я прислушалась, но не уловила ни звука. Вот это и называется: нюх – как у собаки, глаз – как у орла!

– Что ж им, иродам, в горах ихних не сиделось? – завела любимую песню бабка Марья. – Понаехали тут...

Мердок поднял ладонь.

– Пожалуйста, тише, – попросил он, к чему-то прислушиваясь.

Ха, не на ту напал! Такие старушки вежливость считают слабостью.

– Вот я и говорю, зря правительство с ними цацкается! – повысила голос бабка Марья. – Идолища проклятые! Вот в наше время...

– Тихо! – ледяным тоном повторил Мердок.

Голоса он не повышал, но бабка словно подавилась гневной тирадой.

Следователь кивнул и снова повернулся к логову троллей. Я последовала его примеру.

От дома на знакомый мотив доносилось негромкое: «Шумела степь, кусты шуршали, охота доброю была...»

Интересно, это эльфы у троллей сплагиили или наоборот?

Надо у Ульва спросить, вдруг он в курсе?

Я незаметно ущипнула себя за ухо. Что за неуместные мысли?!

– Грендель! – звонко крикнула я. – Открывайте, а то наряд вызову!

В доме притихли, затем раздались тяжелые шаги.

– Иду я, иду, – проворчал хозяин.

Он медленно подошел к калитке, отодвинул засов и уставился на нас налитыми кровью глазами.

– Ну, чего надо? – неприветливо буркнул он.

Запах перегара буквально валил с ног.

Мердок молчал, предоставив инициативу мне. И правильно делал, а то его высокопарная манера изъясняться троллям недоступна.

– Мне нужен Хельги. – Я старалась говорить доброжелательно, но твердо.

Тролль не двинулся с места.

– Зачем? – подозрительно спросил он.

– Расспросить кое о чем, – неопределенно ответила я.

Не сознаваться же, что он подозреваемый по делу о пропаже мадам Цацуевой!

– О той бабе, что ли? – Тролль глубоко вздохнул и посторонился. – Ладно уж, проходи!

Я осторожно последовала в дом, стараясь не сломать каблучки об усеивающие землю булыжники.

Беспорядка на знакомой кухне прибавилось. Обычно мать семейства строго следила, чтобы в доме не плевали на пол и не слишком сорили, но сейчас она занималась более важным делом: разбавляла спирт.

Тут и там валялись кости, а от забористого алкогольного духа на глаза наворачивались слезы.

Надо было видеть лицо аккуратиста Мердока! Он остановился на пороге, словно боясь испачкаться.

За столом сидел Хельги, повесив буйную голову. Перед ним стоял полный кубок, а рядом...

Я поморгала, борясь с желанием протереть глаза. Эта кокетливая кружевная вещица никак не могла принадлежать ему! Хотя по размеру, пожалуй, подошла бы...

– Откуда это у тебя? – спросила я, не успев толком подумать.

Тролль с трудом, словно через силу, повернулся ко мне и выдавил:

– Это подарок. Она мне подарила!

И, цапнув кубок, тяпнул водки.

«Страшное подозрение закралось мне в душу!» – как написали бы в любимых Розочкой любовных романах.

– Мадам Цацуева? – зачем-то уточнила я.

– На-та-ли! – нежно, нараспев поправил меня юный тролль.

Мердок кашлянул, и я заторопилась.

– Какие у вас с ней отношения? – Я заглянула в мутные очи Хельги.

– Любовь, – бросил он, не колеблясь, и для убедительности рубанул воздух ребром ладони.

Папа-тролль издал какой-то невнятный звук и отвернулся.

Кажется, кандидатуру мадам Цацуевой на роль будущей невестки он не одобрял. Или они вовсе не собирались пожениться?

Я вспомнила заявление мадам, требующей принудительного венчания, и задумалась. Концы с концами не сходились.

Осторожно присев на табурет напротив Хельги (бедная моя юбка!), я спросила мягко:

– Ты мне расскажешь? О вас?

Юный тролль неуверенно кивнул.

– Да чего рассказывать? Я кататься люблю. Ну, на аттракционах. – Сложное слово он выговорил с натугой. – А она там... билеты продавала. Ну и вот.

Он развел здоровенными ручищами, трогательно зеленея щеками.

– Теперь ясно, кого потерпевшая ждала вчера, – негромко вмешался Мердок.

При слове «потерпевшая» тролль дернулся было, потом словно обмяк.

– Ну да, – признал он, опустив глаза. – Мы условились. Только я пришел, а там уже эти, ваши... – Он безнадежно махнул рукой.

– И ты ничего подозрительного не видел? – по-прежнему мягко спросила я.

Хельги вскинул на меня глаза, зло прищурился, ощерил зубы... и неожиданно оказалось, что передо мной сидит хищник – еще не вполне уверенный в своей силе, но уже готовый вцепиться в загривок врага.

Я отвела взгляд: не стоит его сейчас дразнить.

Хельги помолчал.

– Найдите ее, – попросил он. Сглотнул и признался: – Я ничего не учуял. Если бы... – Хельги сжал кулаки.

Отец положил руку ему на плечо, и юный тролль медленно обернулся.

– Мы отомстим, – пообещал старший хмуро.

Я промолчала. Не время говорить о законе и порядке.

Если вдруг выйдет так, что мы найдем Кукольника, но его вину доказать не сможем... что ж, я знаю, к кому обратиться!

Я больно прикусила изнутри щеку. Что за глупости приходят в голову?!

В конце концов, мне по должности положено верить в торжество правосудия!

Тем более нельзя подставлять ни в чем не повинных троллей.

– Спасибо за содействие, – произнесла я дежурную фразу и встала. – До свидания!

Семейство троллей смотрело нам вслед.

И я пообещала себе, что во что бы то ни стало найду мадам Цацуеву. Она, конечно, склочница та еще, но ведь и ее любят и ждут...

Мы остановились за калиткой и посмотрели друг на друга.

– И каково ваше мнение, Стравински? – поинтересовался Мердок негромко.

– Не виновен, ваша честь, – усмехнулась я.

Он скупно улыбнулся:

– Всецело согласен. Итак, что у нас далее по плану?

Я пожала плечами:

– Опросить бабушку Марью?

Самой бабушки, кстати, видно не было. Странно, куда она подевалась?

Не отозвалась бабушка и на стук в ворота, и докричаться я тоже не сумела.

Пришлось отступить. Не ломать же дверь! И вообще, я не вправе заходить без согласия хозяина. Если, конечно, его жизни и здоровью не угрожает непосредственная опасность...

Только я успела об этом подумать, как Мердок жестом попросил меня притихнуть.

Я затаила дыхание, но так ничего и не услышала, в отличие от Мердока. Похоже, он не уступал бабушке Марье в остроте чувств.

Хотя в этом-то как раз ничего удивительного. В полицию охотно берут тех, кто отличается особыми талантами. И я, кстати, тому живой пример. В детстве я очень хотела пойти по стопам бабули, но мои способности больше подходили для сыска.

Именно поэтому у нас так много нелюдей. Грех ведь не использовать такие возможности!

– Насколько я могу судить, она разговаривает по блюдцу, – пояснил следователь после минутной паузы. – Полагаю, обсуждает... события.

– Вот же!.. – выдохнула я и вынула сигареты.

А ведь обещала себе постепенно бросить! Нервы, чтоб их.

Мы стояли под цветущей сливой, и ветерок обрывал нежные лепестки.

Романтика...

– Если сочтете необходимым, я официально вызову ее повесткой, – предложил Мердок, поморщившись, и отступил на два шага назад. – А в случае неявки отправлю за ней наряд.

– Обязательно! – с чувством сказала я, закуривая. – Давайте тогда для очистки совести заглянем сейчас к водяному. Ну я про него рассказывала. А дальше... в архив?

– В архив – после обеда, – возразил Мердок, взглянув на часы.

В животе согласно забурчало. Еще бы, я ведь не успела позавтракать!

А ведь в сумке у меня оладьи... Они, конечно, безнадежно остыли, но все равно наверняка божественно вкусные!

Только не давиться же ими стоя, да еще и на глазах у надменного следователя! Наверное, Мердока от такого зрелища удар бы хватил.

– А можно вопрос? – не сдержалась я.

От сигаретного дыма на пустой желудок в голове зашумело.

– Попробуйте, – разрешил он неопределенно.

– Я заметила, что в доме троллей вы... брезговали? Разве вы никогда не выезжали, например, на трупы?

Некоторое время мужчина молчал, разглядывая меня с каким-то странным выражением лица.

– Это совсем иное, – ответил он, скрестив руки на груди. – Одно дело, когда грязь и беспорядок существуют как результат... неких сверхобычных событий, а совсем иное – жить в такой грязи постоянно и по собственной воле.

Я глубоко затянулась и растоптала сигарету, ощущая иррациональную злость.

И отчего завелась, спрашивается? Зануда и педант? Так это давно известно.

Я усмехнулась, вообразив, какое лицо сделалось бы у господина следователя, если бы он оказался в моей комнате.

Грязи и пыли там, конечно, нет. А вот завалы вещей наверняка бы его шокировали: от моих детских игрушек до выпускного платья, в которое я давно не влезаю, и коллекции артефактов...

Впрочем, последнее ему точно лучше не показывать!

Водяной встретил нас причитаниями.

– Ах моя бедная Мими! – стонал он, вцепившись в свои блондинистые с прозеленью волосы. – Бедняжечка! Моя верная маленькая Мими!

Перед ним на листе кувшинки что-то лежало. Я прищурилась... Лягушка?!

Ее товарки душераздирающе квакали, а заболотившийся пруд под припекающим солнцем пах тиной и грязью.

Ложе земноводного украшали водяные лилии и нарциссы (по-видимому, из соседских садов, потому что на участке Ихтиара ничего такого сроду не росло).

– Здравствуйте, Ихтиар! – откашлявшись, начала я. Реакции не последовало, пришлось повысить голос: – Ихтиар!

Он поднял на меня глаза – навывкате, болотно-зеленые, полные невыплаканных слез.

– Что вам нужно? – как-то визгливо спросил он. – Уйдите! Я в печали! Вы разве не видите – моя бедная Мими!

По его щеке покатила крупная слеза.

– Мы вас надолго не задержим, – пообещала я, стараясь стоять на носках. Каблуки туфель вязли во влажной земле.

Мердок безмолвствовал, внимательно наблюдая за представлением.

– Ну что вам от меня надо?! – Всхлипнув, Ихтиар осторожно погладил дохлую питомицу.

Обращался он с ней так, словно она была его безвременно почившей возлюбленной.

Тьфу, уже как Мердок выражаюсь! Трагичность момента способствовала.

– Вы что-нибудь видели вчера? Вечером похитили вашу соседку, мадам Цацуеву...

– Женщина! – не дослушав, перебил водяной. – Там была женщина!

Я почувствовала себя псом, вставшим на след.

– Какая? Вы можете ее описать?

Водяной не ответил.

– Ах моя крошка Мими! – горько вздохнул он, вытирая слезинку пальцем. – Как же мне теперь жить?!

– Ихтиар! Пожалуйста, ответьте! Вы хорошо рассмотрели женщину?

Он не слушал. Гладил застывшее тельце и причитал.

Мы переглянулись с Мердоком, и он пожал плечами.

Водяной погрузился в свою скорбь и ничего не желал слышать. Не тащить же его в участок! Тем более что я хорошо его знала – он просто оскорбится и замкнется, а нам не дадут жизни «орлята» из Центра бесплатной правовой защиты, которые умеют и сладко петь, и выклеивать печень – по ситуации.

Ах, у бедняжки депрессия и срочно нужна помощь врача!

Только депрессия у него непреходящая.

Обидно было отступить в шаге от удачи, но что поделать?

– До свидания, господин Ихтиар, – вздохнула я и добавила почти машинально: – Примите мои соболезнования!

Он кивнул, вдруг поднял лист с усопшей, протянул мне и попросил жалобно:

– Поцелуйте ее! Вдруг она не умерла, а просто спит? Вы же домовой, вы должны нам помогать!

И смотрел с такой надеждой, словно верил в сказки.

– Извините, я не принцесса, – поспешила откреститься я. – И она ведь... девочка? А я не того пола...

Быстро соображающий следователь подхватил меня под локоть. Еще бы, ведь он-то как раз мужчина!

Под причитания и душераздирающие вздохи мы поспешно сбежали.

– Уф... – Я перевела дух, только отойдя метров на сто.

– Знаете, Стравински, – Мердок покачивался с пяток на носки, – эта история нравится мне все меньше и меньше.

– Почему? – вяло удивилась я.

Как же хорошо! Запахи цветущих яблонь и слив, деловитое жужжание пчел, лай чьей-то собаки... Улица казалась сонной и беспечной. Сложно и поверить, что здесь сплетничают, крадут ценности и похищают (или убивают?) людей.

– Элементарная логика, – Мердок отчего-то усмехнулся, потом снова стал зверски серьезным, – подсказывает, что Кукольник имеет какое-то отношение к вам. А у нас только какие-то нелепые обрывки нитей.

– Поэтично, – проговорила я, трогая носком туфли дерзкий одуванчик, пробившийся сквозь трещину в бетоне. – Только это нам ничего не дает. Может, осмотрим место происшествия?

– Прошу, показывайте, – не стал спорить Мердок.

А на обуви у него ни пылинки! Только галстук немного сбился набок, а волосы растрепались и слегка слиплись на висках. Жарковато, он в своем строгом костюме наверняка упарился. Но Мердок не был бы Мердоком, решишь он расстегнуть ворот рубашки.

Я подумала – и стянула опостылевший китель. В конце концов, белая блузка выглядит достаточно прилично!

Следователь на меня покосился (по-моему, неодобрительно), однако промолчал.

Домовладение мадам Цацовой окружал высоченный забор с острями поверху. От кого она так хоронилась? Неужели от разъяренных соседей? Или правда полагала себя сокровищем, которое любой готов умыкнуть?

Хотя ее-то как раз украли, так что... И вообще, мадам уже дважды вдова! Можно сказать, пользуется спросом.

Я толкнула калитку (глупо ведь нажимать на звонок, когда хозяйки наверняка нет дома), но она оказалась заперта.

– А ключи вы взяли? – спохватилась я, вопросительно посмотрев на Мердока.

Он покачал головой:

– Боюсь, официально я не веду это дело. Так что получить доступ к месту преступления могу только с разрешения следователя.

От перспективы просить ключи у Стеллочки меня перекошило.

Перелезть через забор? Уж точно не в этой юбке...

У калитки же рассматривать нечего: аккуратно подметенная плитка и клумба с зацветающими ирисами. Глупо пытаться здесь что-то найти!

За безрадостными размышлениями я не сразу заметила, что Мердок протягивает мне... свой пиджак.

– Подержите, будьте добры, – очень вежливо попросил он. – Похоже, изнутри дверь отпирается без ключа.

Я машинально взяла пиджак, а Мердок подошел к забору. Смерил взглядом препятствие – и с легкостью кошки на него взлетел.

Ничего себе трюк!

Минуту спустя Мердок уже распахнул дверь, предлагая мне войти.

В дом нам не попасть, там замок посложнее, но осмотреться можно и так. В конце концов, на место преступления выезжала опергруппа, так что все должно быть отражено в протоколе.

На первый взгляд во дворе ничего не изменилось: ухоженный дворик, добротный кирпичный дом под зеленой шиферной крышей, яркие герани на подоконниках.

Хотя от внимательного наблюдателя бы не ускользнуло, что мужчины в доме нет. Хозяин не стал бы подвязывать трубу веревочкой или подкладывать под калитку камень вместо нормального ограничителя.

Кажется, я поторопилась с выводами. Над входной дверью красовался новенький козырек. А вон там водоотлив, за который я раньше цеплялась рукавом, аккуратно подогнут.

– Похоже, Хельги тут всерьез обживается, – усмехнулась я, указав на водоотлив. – Уже и хозяйством занялся.

– Любопытно, – признал Мердок, оглядываясь, и повторил: – Любопытно. Хозяйке не видно, кто стоит за забором.

– Выходит, похититель знал, что она ждет Хельги, поэтому откроет дверь? Или

понадеялся на авось?

– Едва ли он надеялся на удачу, – покачал головой Мердок. – И это снова приводит нас к сестре.

– Или к соседям, – вздохнула я. – Кто-то что-то мог заметить...

– Однако водяной видел женщину, – возразил следователь.

– Вы верите его словам? – скептически спросила я.

– А вы полагаете, что ему доверять не стоит? – осведомился Мердок.

Я ответила прямым взглядом. А хорош! В таком чуть растрепанном виде он словно утратил часть глянца и стал человечнее.

Уф, о чем я опять думаю?!

Это наверняка от голода!

Подумав, я присела на скамейку-качели под ярким тканевым навесом и пристроила рядом свой китель и пиджак следователя. Затем вынула из сумки пахнущий корицей и яблоками сверток.

– Будете? – радушно предложила я, разворачивая промасленную бумагу.

И прямо руками взяла уже остывший, но все равно восхитительный оладушек.

Мердок смотрел на меня во все глаза. А затем подошел, сел рядом – только качели заскрипели – и взял угощение.

– Вкусно, – произнес он, прожевав первый кусочек. – Благодарю.

Я растерянно кивнула: признаю, удивил! Мердок ел с аппетитом, аккуратно держа оладьи так, чтобы не закапать маслом одежду.

А он тем временем взял вторую оладью.

Э, так и мне не достанется! И я набросилась на запоздалый завтрак.

На пару мы уничтожили оладьи минут за пять.

По-джентльменски уступив мне последнюю, Мердок с сомнением посмотрел на свои жирные пальцы.

Пришлось лезть в сумку.

– Держите. – Я протянула следователю пачку бумажных салфеток и сама вытерла пальцы.

– Вы неподражаемы, Стравински. – Он аккуратно промокнул ладони.

– Благодарю! – в тон ему ответила я и усмехнулась. – Ну что, теперь в архив?

Мердок только кивнул, поднялся и подал мне руку. А затем – о ужас! – перебросил пиджак через плечо. Таким я вечно застегнутого на все пуговицы следователя еще не видела.

Улыбаясь своим мыслям, я вышла на улицу. Мердок возился с калиткой, пытаясь ее снова запереть. Я подставила лицо теплым солнечным лучам, закрыла глаза и улыбнулась. Хорошо-то как! На сытый желудок жизнь казалась куда веселее. Цветы, птички, ветерок – благодать!

Грохот, вопли и залиvistый лай заставили меня резко распахнуть глаза. Вовремя: прямо на меня мчался черный пес-призрак. Мердок резко выдохнул и попытался меня оттолкнуть. Бесплезно: сдвинуть меня с места против воли практически невозможно. В кои-то веки пригодилась папочкина наследственность (хоть такая от него польза)!

Мердок такого поворота не ожидал – потерял равновесие и едва не упал. Впрочем, мне было не до него.

– Фу! – строго сказала я, глядя в блестящие глаза призрака. – Блэки, сидеть!

Никому не советую повторять этот фокус с незнакомой собакой! Гарантированы

незабываемые впечатления, десяток швов и курс уколов от бешенства. А с призраком можно и сердечный приступ схлопотать. Но мне-то этот пес отлично знаком!

Хотя бабуля, думаю, усмирила бы его одним взглядом. Жаль, мне до нее далеко. Призрак будто не слышал: норовил поставить лапы на мою блузку и облизать лицо. Не смертельно, но мне же еще в архив, а эта бессовестная морда перепачкает меня эктоплазмой! И это белым днем.

Я укоризненно покачала головой и рявкнула:

– Сидеть, кому сказано?!

Пес плюхнулся на задницу и вывалил язык, пожирая меня преданным взглядом.

Краем уха я уловила чей-то смех и перешептывания за углом. Кажется, кому-то стоит задать трепку! Я присела, насколько позволяла узкая юбка, и потрепала пса за уши. Странное чувство – гладить призрака. Хотя Блэки настолько силен, что его бестелесность почти не ощущается, только улица сквозь него слегка просвечивает и на ощупь он холоден как лед.

– Стравински, – голос следователя был не просто ледяным, а температуры жидкого азота, – извольте объяснить, что это значит?

Я повернула голову, не переставая трепать пса за ушами. Он восторженно повизгивал и махал хвостом. Мердок возвышался надо мной как каменная статуя. Он снова натянул пиджак, который выглядел на нем настоящими доспехами. Можно подумать, я нарочно это подстроила!

– Это сторож Маккаудов, – объяснила я ровно и поправилась: – То есть теперь дом купил господин Ярый, так что и сторож его. Они с брауни, Волосатой Мэг, привязаны к жилищу.

– Благодарю за информацию. – Мердок слегка наклонил голову. – А теперь мы можем идти?

– Да, конечно. – Я поднялась, не обращая внимания на жалобный вид пса, и повысила голос: – Только задам трепку мальчишкам, которые его выпустили! Блэки, ищи! Ищи, мальчик!

За углом ойкнули, раздался поспешный топот... Поздно. Блэки обладает совсем не собачьим умом (подозреваю, что в его теле нашел пристанище один из предков бывших хозяев), отличным чутьем и недюжинными умениями.

Пес сорвался в погоню и уже через минуту пригнал понурившихся пацанят лет восьмидесяти. Как ему удавалось заставить их идти перед собой, я не знаю и знать не хочу.

Мальчишки изо всех сил пытались изобразить раскаяние, но мордашки их сияли восторгом. Еще бы, такое приключение! Только предчувствие наказания несколько приглушало их экстаз. Они не с моих улиц, но наверняка живут неподалеку или учатся в школе на Тенистой.

– Так-так, – сказала я строго. – Значит, уроки прогуливаете, призраков на прохожих натравливаете? А вы знаете, что бывает с малолетними хулиганами?

– Что? – пискнул самый маленький рыжий мальчик.

– Школа-интернат, – сообщила я, стараясь не улыбаться. – Сначала, конечно, вызовем родителей...

– Не надо! – взвыли они хором. – Тетенька домовой, мы больше не будем! Мы же не всерьез! Только пошутить хотели!

Мердок скептически хмыкнул. Я разделяла его сомнения.

– Значит, вы знаете, кто я. – Я нахмурилась. – Нападение на полицейского при

исполнении, да еще при отягчающих обстоятельствах...

– Каких-каких? – не выдержал старший, светловолосый крепыш со странными глазами.

Я присмотрелась... Точно! Малолетний оборотень, похоже, из песьих. Такой мог управиться с собакой.

Значит, организатор нашелся. Любопытно, а исполнитель кто?

– Отягчающих, – вздохнула я и покачала головой. – Это значит, что наказание будет еще строже.

И сделала многозначительную паузу. Неизвестность всегда пугает больше.

Светловолосый насупился, рыжий прикусил губу, а третий, молчаливый темноглазый мальчик, спросил вдруг:

– А может, нам какая-нибудь амнистия выйдет?

Мы с Мердоком переглянулись. Лицо его было по-прежнему застывшим, только глаза смеялись.

– А ты, видимо, хочешь стать юристом? – вмешался он.

– Ага, – серьезно кивнул темноглазый. – «Орленком» буду! Людей защищать!

Я поморщилась.

– Похвальное стремление, – хмыкнул Мердок.

– И кто из вас заклинатель? – поинтересовалась я строго.

Они как по команде опустили глаза.

Пес, вывалив язык, с интересом наблюдал за мальчишками. По-хорошему можно было поинтересоваться сразу у него, но тогда воспитательный эффект смажется.

– Значит, придется проверять всех, – заметила я. – Господин следователь, как долго займет экспертиза?

– Полагаю, недели две-три, – серьезно ответил Мердок. – Разумеется, дети будут помещены в детдом, а уже затем...

– Не надо! – перебил его рыжий и сжал кулаки. – Это я заклинатель! Рик и Дейв не виноваты! Забирайте меня!

Я подошла и присела перед ним на корточки. Ярко-голубые глаза полны слез, но подбородок он упрямо вздернул и взгляда не отвел.

– Как тебя зовут? – спросила я мягко. – И где ты живешь?

– Ирга. – Он шмыгнул конопатым носом. – Я на Сиреновой живу, в десятом доме.

– И где же ты, Ирга, научился управлять призраками? – не отводя взгляда, спросила я. – Тебе кто-то объяснил, как это делать? Или книжку дал?

По всем правилам полагается вызвать родителей и воспитателей, но первичную информацию можно собрать и так.

Даже Мердок молчал. Понимал, что вовлечение несовершеннолетних в преступную магическую деятельность – это не шутки, и некроманта-растлителя надо во что бы то ни стало схватить за... пусть будет за шкуру.

А может, это Кукольник?

– Никто, – покачал рыжей головой Ирга. – Правда, тетенька домовой! Я сам!

– Клянешься? – спросила я, стараясь не выказать досады.

Если правда, то мальчик очень способный... но ниточки к Кукольнику нам это не даст.

– Клянусь! Чтоб мне сдохнуть!

Я вздохнула и поднялась. Вряд ли он врет, хотя проверить стоит.

– Ладно. Сейчас мы пойдем в детскую комнату полиции...

Три протестующих вопля были мне ответом.

– Так нечестно! – выпалил знаток юриспруденции. – Ирга же вам все рассказал!

– Может, и рассказал, – согласилась я. – Но в полиции на слово не верят.

– А как же эта... презумпция невиновности, вот! – не сдавался будущий адвокат.

Хм, он и вправду явно интересуется уголовным правом.

– Раз вы знакомы с такими понятиями, – произнес Мердок в своей обычной наставительной манере, – то знаете, и что такое проверка алиби?

Юный правозащитник насупился и кивнул, а я закатила глаза:

– Ладно, пойдемте в мой кабинет. Я позвоню вашим родителям.

– А полиции не заложите? – подозрительно спросил оборотень.

У Мердока дрогнули губы, а я торжественно подняла руку:

– Клянусь! Чтоб мне сдохнуть!

Понурые хулиганы в моем кабинете сразу оживились. Глазенки засверкали, а шаловливые руки потянулись к моей коллекции.

Пришлось рыкнуть. Фирменный бабулин рык, которым она умирят своих «мальчиков», удается мне не очень, но малолеткам хватило и этого. А вот Мердок посмотрел удивленно.

Я раздраженно звякнула древней подставкой под блюдце. Да-да, я бледная тень своей непревзойденной бабули!

– Теперь я вас оставлю, – сообщил Мердок, когда я вынула блокнот и карандаш.

Я замерла с занесенной над чистым листом рукой:

– А как же приказ не отлучаться от вас ни на шаг?

– У вас имеется три свидетеля, – возразил он. – В случае необходимости они вполне смогут подтвердить, где вы находились и что делали. К тому же в ближайший час явятся их родители. А у меня еще масса дел.

– Понимаю, – буркнула я, привычно пометчая в блокноте время и дату. – Тогда удачи!

Следователь кивнул и вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

– А... это кто? – тихо спросил будущее светило юриспруденции.

– Мой начальник, – объяснила я кратко. – Следователь Мердок.

– Ух ты! – восторженно протянул рыжий. – Он же ведет дело Кукольника! Я читал!

– Да. Но подробности разглашать не могу. Сам понимаешь – тайна следствия.

Рыжий кивнул. Глаза троицы хулиганов светились восторгом...

Следующие часа два я занималась воспитательной работой. По-хорошему следовало сдать мальчишек службе по делам несовершеннолетних и не мучиться, тем более что они не имели отношения к моему участку. Но поступить так я не могла.

Пришлось обзванивать родителей и излагать суть дела. Заодно я выслушала все охи-вздохи, вопросы и даже гневные вопли мамочки будущего адвоката. Она защищала сыночка так, что сразу становилось ясно, откуда у него тяга к юриспруденции.

Хорошо хоть остальные родители оказались более адекватными. Отец малолетнего оборотня вообще только осведомился, причинен ли ущерб. Услышав отрицательный ответ, вздохнул с облегчением и пообещал срочно приехать.

Похоже, эта троица не впервые попадает в неприятности...

Отделаться от «детского сада» удалось не скоро. Надеюсь, родители Ирги послушаются совета и отведут ребенка на тестирование, а то с такими способностями можно и в

настоящую банду загреметь. Надо же, управлять призраком на чистой силе!

Я покачала головой и решила, что стоит присмотреть за мальчишками. А может, и словечко кое-кому шепнуть.

А теперь надо бы в архив. Сколько можно откладывать? Только сначала Мердока разыскать. Надеюсь, он не умчался в синюю даль, а торчит в собственном кабинете.

Я сладко потянулась, и тут дверь с силой распахнулась. В проем заглянул тролль.

– Грендель? – удивилась я, уже понимая, что стряслось что-то нехорошее. – Что случилось?

– Ваши, – пророкотал он, явно с трудом сдерживая гнев. – Там!

Уф, надеюсь, он сейчас успокоится, а то каменный тролль способен все здание раскатать по камушку.

– Не нервничайте, – попросила я, подняв руки в примирительном жесте. – Расскажите толком.

Грендель набычился:

– Хельги ар-р-рестовали!

На мгновение я онемела. Неужели Мердок?!

И в сердцах помянула Неназываемого...

Дежурный как раз любовно разложил на газетке нехитрый обед: пяток яиц, жареную куриную ногу и солидный ломоть хлеба.

– Приятного! – пожелала я, притормозив у окошка.

Дежурный, поднесший мясо ко рту, едва не захлебнулся слюной.

– Спасибо, – буркнул он, вновь примеряясь к курятине.

– Потапыч, а тролля задержанного уже привезли?

– Ага, – кивнул он, сглотнул и отложил кусок. Подумал – и прикрыл его газеткой, подальше от завистливых глаз и вездесущих мух. – Наверху, на допросе.

Потапыч с трудом вмещался в стандартное кресло, но его массивность была обманчива. Двигался он легко и стремительно, как и полагается крупному хищнику.

– У Стеллы или у Мердока? – с деланой небрежностью спросила я.

Дежурный вытаращил глаза:

– У фифы нашей, конечно! Мердок как с тобой утром ушел, так и не появлялся!

– Спасибо, Потапыч! – с чувством сказала я, проходя через вертушку.

И что теперь? Дождаться Мердока? Он ведь согласился с моими выводами насчет Хельги. К тому же Мердок имеет влияние на начальство, и в крайнем случае можно надавить на Стеллу сверху.

Только знать бы, где носит нашего умника-следователя. Вдруг он вообще сегодня в райотдел уже не явится? А Хельги в изоляторе придется несладко. Я подумала... и отправилась на разведку.

Кабинет Стеллы отличался от берлог прочих следователей так же разительно, как и обиталище Мердока. Только здесь все буквально кричало не о солидности и респектабельности, а о какой-то болезненной страсти к детективам.

Полки, заставленные книгами в аляповатых суперобложках. На стенах – любовно оправленные в рамки дипломы об окончании различных курсов и фотографии увеличенных отпечатков пальцев. Горка с коллекцией орудий преступления – от ножа с побуревшими следами крови до граблей. А над столом – портрет Ломброзо...

Стелла, невысокая сублильная блондинка, напряженно замерла в своем кресле. На табурете напротив ссутулился Хельги, щурясь от света лампы, направленной ему прямо в лицо. А это уже издевательство – горные тролли плохо переносят яркий свет.

Третьего персонажа я заметила не сразу.

– А он к ней того... шастал и шастал, – толковала бабка Марья. – Ить я ж ей говорила – ты поосторожнее, милка! А она отмахивалась только. Дескать, любов у них! Вот и доигралась...

И укоризненно покачала головой в цветастом платке.

– Пожалуйста, помедленнее! Я же записываю! – взмолилась Стеллочка, беспомощно тыкая длинными ногтями в клавиатуру.

Меня не замечали. Я постояла-постояла... и нарочито громко кашлянула. Прямо как директор школы при виде курящих за углом пятиклассников.

Стеллочка вздрогнула и воззрилась на меня – сначала испуганно, а затем гневно.

– Что вы хотели? – спросила она тоненьким голосочком примерной девочки.

Следом обернулись и бабка Марья с Хельги.

Пенсионерка смотрела на меня с вызовом («Я исполняю свой гражданский долг!»), а грубоватое лицо каменного тролля просияло такой радостью и надеждой, что мне стало неловко.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла я, по-прежнему стоя на пороге. – Можно вас на минутку, госпожа Стелла?

Она пятнами, неравномерно, покраснела.

– Следователь Стелла! – поправила резко. – Домовой Стравински, вы что, не видите? Я занята! У меня очная ставка!

Я поняла, что невольно допустила ошибку. Стеллочка очень ревностно относится к своей должности. Но какая быстрая, надо же! Уже и допросы провести успела, и очную ставку начать. Откуда такая прыть?

Вслух я этого, конечно, не сказала.

– Я только на минуточку! – снова попыталась я.

Посягательство на свой авторитет (даже существующий исключительно в ее воображении) Стеллочка мне не простит. Неназываемый бы с ней, но она же на Хельги отыграется.

– Ни о чем я с вами разговаривать не буду! Вы вообще подозреваемая!

От волнения голос Стеллы стал еще неприятнее. Брр, как ножовкой по стеклу.

Ах так? Интересно, когда это мне успели официально предъявить подозрение? Дело о пропаже мадам Цацовой, помнится, возбуждено по факту, а не в отношении конкретного лица. Или Стеллочка вознамерилась меня привлечь как соучастницу Хельги? Я в красках вообразила, как выволакиваю мадам Цацуву из дома... Или я лишь командовала троллями? А что, занимательное могло быть зрелище...

Я зло усмехнулась, распахнула дверь пошире и напомнила, уже не понижая голос:

– Хельги – несовершеннолетний. Его нельзя допрашивать в отсутствие законных представителей или хотя бы воспитателей. И без адвоката, кстати говоря.

О чем она вообще думала? Наверное, рассчитывала, что денег у троллей на компетентного юриста не найдется, а бесплатный защитник подмахнет все не глядя.

– Выйдите из кабинета! – почти завизжала она, привстав.

Предполагалось, что это должно выглядеть грозно. Но из-за комплекции и любви к

коротким платицам Стелла смотрелась девочкой.

– Да пожалуйста, – пожалала плечами я. – Уже ухожу.

И, поймав взгляд Хельги, одними губами добавила: «Я еще вернусь!»

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Надо успокоиться, ярость тут не поможет.

Что делать? Идти к начальству? А вдруг полковник тоже к этой истории причастен? Уж больно много в ней странностей. Что, если демарш Стелочки вовсе таким не был? Не зря ведь именно ей отдали это дело! Что еще я могу предпринять? Дождаться Мердока? Формально и он не может влиять на ход следствия.

Хм, а что, если?..

Я сама себе кивнула и бодро направилась в дежурку.

Час пик еще не начался, и граждане пока не рвались сообщить об очередных преступлениях.

Потапыч уже расправился со своей нехитрой снедью и теперь вдумчиво читал газету. Телевизор что-то бубнил о хоккее, а на столе остывала кружка с чаем.

Дежурный поднял на меня вопросительный взгляд.

– Потапыч, – без предисловий начала я. – Выручи, а? Можно от тебя позвонить?

– Да звони на здоровье, – разрешил он.

Я проскользнула в дежурку, взяла блюдце и отошла в дальний угол.

Выстучала пальцами по ободку знакомый номер.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла я, когда мне ответили. – Это Центр бесплатной правовой защиты?.. Я хочу сообщить о незаконном задержании несовершеннолетнего. К тому же он представитель малого волшебного народа. Да-да, тролль Хельги! Приезжайте!

Назвав адрес, я сбросила звонок и глубоко вздохнула.

Потапыч косился на меня, кажется, с сочувствием.

– Что стряслось, девочка? – как-то совсем по-отечески спросил он. – Подопечного обидели?

– Ага. – Я благодарно улыбнулась. – Тот тролль – с моей улицы.

– А, вот оно что. – Дежурный понимающе закивал и встал. – Ты не стой столбом. Садись, чай будем пить!

Я только-только успела пригубить обжигающе горячий ароматный напиток, сдобренный медом и малиновым вареньем, как дверь с силой распахнулась, и в вестибюль влетел кругленький дядечка с портфелем. На носу, больше напоминавшем клюв, поблескивали золотом очки, а губы беспрестанно шевелились, словно он вел непрекращающийся спор с невидимым собеседником.

Дяденька сунул в окошко удостоверение и ордер.

– А, к Стелле, – хмыкнул Потапыч, со значением покосившись на меня, и нажал кнопку. – Проходите!

– Спасибо! – Дяденька вприпрыжку направился к лестнице, прижимая к груди объемистый портфель.

Я перевела дух и отхлебнула чай. Теперь за судьбу Хельги я могла не переживать. Это ведь сам знаменитый Плевалка!

Любопытство зудело, как комар, не давая просто сидеть и ждать...

Я торопливо, не чувствуя вкуса, допила чай. Мы с Потапычем переглянулись и, не сговариваясь, прокрались к лестнице. Могли и не таиться, нас бы никто не заметил – по

всему второму этажу гремел густой бас адвоката. Голосина у него – впору в опере петь! Райотдел содрогался – в обоих смыслах.

– Деточка, для вас что, закон не писан?

– Я вам не деточка, а госпожа следователь! – взвился тонкий голосок Стеллочки.

– А если вы следователь, то извольте соблюдать УПК! – пророкотал Плевалка. – А не хватать бездоказательно всех подряд!

– У меня есть доказательства! – почти завизжала Стеллочка. – Он преступник!

Тут она сглупила. Дурочка, сама же подставляется!

– Никто не может быть признан виновным иначе как по приговору суда! – припечатал ее цитатой адвокат. – Вы, деточка, о презумпции невиновности слышали? А о праве на защиту?

Двери нескольких кабинетов приоткрылись, но на подмогу Стеллочке никто не спешил. Все наслаждались бесплатным (а главное, безопасным) представлением. Вот они – мужчины и рыцари!

– Но он ее украл! – совсем потеряла голову Стелла. – Надо заставить его рассказать, где этот тролль ее прячет!

– Да с чего вы вообще взяли такую чушь?!

От грохочущего голоса Плевалки хотелось пригнуться и вжать голову в плечи. Но Стеллочка продолжала трепыхаться:

– Он тролль!

– И что же? – перебил ее адвокат. – Что за дискриминация представителей малых волшебных народов?

Готова поклясться, он развлекался и явно работал на публику. Кроме всего прочего, в кабинете присутствовал независимый свидетель – бабка Марья, которая в случае необходимости все подтвердит.

– Это не дискриминация! – Кажется, Стелла вот-вот начнет топтать ногами. – Тролли крадут невест! Это общеизвестно!

– Ах, общеизвестно? – вкрадчиво повторил адвокат и вдруг заорал во всю мощь своего недюжинного голоса: – Плевать я хотел на ваше мнение! Вы это в суде докажете!

Это была коронная фраза Плевалки, за которую он и получил свое прозвище.

Стелла пришибленно молчала. Жаль, мне с лестницы не видно, но я подозревала, что она оглушенно трясла головой.

– В общем, своего подзащитного я забираю, – уже на тон ниже продолжил адвокат. – И будьте уверены, от жалобы в прокуратуру вы не отвертитесь!

Выпустив напоследок эту отравленную стрелу, он прихватил Хельги и с триумфом проследовал вниз.

Потапыч, довольно шурясь, скрылся в дежурке, а я решила дожидаться Хельги. Пожалуй, стоит сопроводить его до дома.

Я вышла на крыльцо и вынула из сумочки сигареты. А что такого? Стою, курю... Мало ли кого можно встретить на крыльце райотдела! Понятно, что такая детская уловка никого не обманет и в любом другом случае стукачества мне бы не простили, но Стеллочку своей не считали. Мне даже стало ее жалко. Она так мечтала стать настоящим следователем... или, скорее, играла в полицию.

А потом вспомнился понурившийся несчастный Хельги, и от сочувствия его мучительнице не осталось и следа.

Только я успела прикурить, как из райотдела вприпрыжку выскочил Плевалка,

практически волоча за собой ошарашенного Хельги. При виде меня тролль расплылся в улыбке и распахнул объятия. Кажется, идея его подождать была не из лучших. Он же сейчас такое представление устроит, что все сбегутся! Афишировать свою роль в его спасении я не собиралась, но поди объясни это восторженному юнцу!

Мудрый старый адвокат быстро сложил два и два и перехватил инициативу.

– Аннушка, девочка! – вскричал он, выскочив вперед. – Как поживает ваша непревзойденная бабушка?

От неожиданности я едва не подавилась сигаретой.

– Отлично, спасибо, – машинально ответила я, борясь с кашлем.

Хотя логично. Сделаем вид, что наша беседа никакого отношения к Хельги не имеет. Эдакая случайная встреча с давним знакомым.

– А матушка? Сестра? Они здоровы? – настойчиво продолжил Плевалка, как бы между делом спускаясь по ступенькам.

– Да, все в порядке. – Я смиренно последовала за ним.

Хельги растерянно топал за нами. Он явно не понимал, что происходит, но догадался промолчать.

Адвокат, продолжая нести какую-то чушь о том, как он соскучился по моей бабуле, напрямик направился к беседке, как громко назывались три лавочки под навесом. Стен у нее не было, зато незаметно подкрасться не получится.

Усадив Хельги (скамейка жалобно заскрипела), Плевалка сбросил маску друга семьи.

– Значит, это вы меня вызвали, – произнес он задумчиво, рассматривая меня во все глаза.

Свой невероятный голос он приглушил, и вместо грохота шторма в нем теперь слышался лишь рокот прибора.

– С чего вы взяли? – Я пожалала плечами и затянулась.

Откровенничать не стоило. Конечно, сегодня адвокат меня здорово выручил, но все равно не люблю я эту братию!

– Редко, знаете ли, о незаконных задержаниях сообщают анонимно, да еще и с полицейского номера. – Адвокат заговорщицки улыбнулся и тоже сел, пристроив рядом верный портфель.

– Кхм, – глубокомысленно ответила я и выпустила клуб дыма.

Главное, чтобы он этими догадками не делился с кем попало. Остальное меня не волновало.

– Так почему вас так занимает судьба этого молодого человека? – продолжил адвокат, рассматривая меня безо всякого стеснения.

– Хельги живет на моей улице, – исчерпывающе объяснила я.

– А, вот оно что, – понимающе закивал Плевалка. – Похвально, очень похвально!

И, сняв очки, принялся протирать стекла бархатной тряпочкой.

Взгляд у него оказался ожидаемо внимательным и умным. Вот только зрачки вертикальные.

– Это все, что вы хотели узнать? – сухо спросила я, затушив сигарету.

– Почти, – неожиданно покладисто ответил он и водрузил очки обратно на нос. – И вот что имейте в виду. По-моему, та девица не сама придумала эту версию. Ей кто-то подсказал.

– Интересно, – хмыкнула я. – А кто именно, вы не в курсе?

– Понятия не имею, – искренне признался адвокат. – Кто-то, кому она полностью

доверяет. А насчет дела Хельги, – он покровительственно похлопал клиента по локтю, – не беспокойтесь. Рассыплется как карточный домик. Об этом я позабочусь.

– Спасибо, – от всей души поблагодарила я. – Хельги ведь даже не по подписке отпустили, так?

– Именно, – улыбнулся Плевалка. – Она не собиралась его отпускать. Думала, расколет, а потом судья ей задержание подмахнет. Стеллу-то я нейтрализовал, а вот с советчиком ее сами разбирайтесь, госпожа Стравински!

– Кстати, – спохватилась я. – Как вы узнали, кто я?

– Я читаю газеты. – Адвокат встал и взял портфель. – А ваше фото недавно мелькало в статье о Кукольнике.

– Понятно, – кивнула я. Как говорится, ларчик просто открывался. – Что ж, приятно было познакомиться.

– Взаимно, – покивал он и попросил внезапно: – И передавайте привет вашей бабушке. Потрясающая женщина! Хоть мы и не виделись лет тридцать. Ах, как же хороша она была когда-то...

Он подмигнул мне и направился прочь, размахивая портфелем и напевая: «Сердце красавицы склонно к измене...»

По дороге домой Хельги честно рассказал все, что знал, но толку от этого оказалось немного. Как выяснилось, буквально через час после моего визита к их дому подъехал «воронок», и бедного тролля выволокли под белые ручки.

– Ты хоть никого не ударил? – встревожилась я.

Вон какие кулачищи! А телесные повреждения полицейским при исполнении – это вам не Стеллочкины измышления.

– Не-а, – помотал головой Хельги и добавил укоризненно: – Что я, совсем дурак?

– Нет, – серьезно согласилась я. – Ты очень умный тролль.

Он важно кивнул, и мы свернули на знакомую улицу.

Я поежилась. Небо подозрительно потемнело, поднялся ветер. Похоже, дневная жара была преддверием дождя. Люблю грозу в начале мая... если не оставила дома зонтик!

Мы успели подойти к жилищу троллей, когда на землю упали первые капли.

– Папа! Мама! Я вернулся! – гаркнул Хельги.

В доме что-то упало, стукнула дверь...

Сцена воссоединения семьи удалась на славу. Мама обнимала Хельги, лопоча что-то невразумительно-ласковое, папа хлопал его по плечу и называл молодцом. И я могла поклясться, что заметила бабушку Марью, высунувшую из-за забора любопытный нос.

Я украдкой смахнула с волос капли дождя. Троллям-то все нипочем, у них дубленая шкура, а мне как бы простуду не схлопотать.

– Мне пора, – сказала я, прикидывая, успею ли добежать до своего кабинета, прежде чем ливанёт.

Словно в насмешку пророкотал гром.

– Куда? – рявкнул Грендель. – Гроза! Надо укрыться!

И, не слушая возражений, семейство троллей буквально внесло меня в дом.

«Каждая женщина мечтает, чтобы ее таскали на руках, – подумала я с иронией, прихлебывая ароматный чай, сдобренный хорошей дозой «коньяка». – Но не так же! Все у меня не как у нормальных людей».

Сидеть в берлоге под шум дождя и пить уповательно горячий чай оказалось неожиданно приятно.

К тому же я только сейчас вспомнила, что с самого утра у меня в желудке побывала только порция оладий, да и ту поделили на двоих. Хотя, пожалуй, оно того стоило.

Я протянула руку и взяла чуть зачерствевшую, зато явно домашнюю булку.

– Варенье. – Мама-тролль гостеприимно пододвинула ко мне плошку с янтарно поблескивающими дольками абрикоса в сладком сиропе. – Вкусно.

– Дождь почти все, – доложил Хельги, выглянув на улицу.

– Спасибо за угощение, – произнесла я, борясь с желанием облизать пальцы. – Очень вкусно!

Мама-тролль зарделась, теребя передник, а Грендель сказал серьезно:

– Вам спасибо!

Я только улыbnулась и встала из-за стола.

– Загляну к вам завтра, – пообещала я. – И если вдруг что, вот мой номер.

Я положила перед отцом семейства карточку, на которой от руки дописала несколько цифр.

– Так мы его знаем, – растерялся Грендель.

– Домашний, – объяснила я.

Под взглядами троллей я вышла на улицу. Грозовой фронт уже стремительно уносило куда-то на север. В лужах плавали лепестки яблонь и слив, и почти распустившаяся сирень склонила тяжелые, наполненные влагой ветви. Я остановилась и втянула пахнущий цветами воздух. Хорошо-то как!

Ну и денек! Пожалуй, хватит с меня на сегодня. Никаких проблем, расследований и подозрений! Домой, поужинать и залечь в ванну с книжкой... Ничего не скажешь, донельзя соблазнительная программа.

Я медленно пошла по Абрикосовой, погружившись в свои мысли. Когда из двора наперерез мне бросилась тень, успела только подумать: «Дежавю!» И с размаху села в лужу...

Бессовестный призрак носился вокруг и радостно лаял. Что за ерунда? Блэки ведь не обычный живой пес, нечаянно толкнуть не может. А невзлюбить меня ему вроде бы не за что.

– Морда ты наглая! – уныло сообщила я ему и завозилась, пытаюсь встать.

Представляю, как я сейчас выгляжу: колготки мокрые, китель и блузка забрызганы, юбку вообще хоть отжимай.

И как в таком виде домой добраться? Ни один таксист такую грязную в свою машину не пустит. Об общественном транспорте и думать не стоит. Разве что пешком, закоулками... и лучше дожидаться темноты.

Я с досадой покосилась на выглядывающее из-за туч солнце. До заката еще долго.

– Позвольте вам помочь? – вежливо предложил кто-то подозрительно знакомым голосом.

Я чуть не подпрыгнула от неожиданности, но ухватилась за протянутую руку.

Ярый с легкостью меня поднял и, скептически изогнув бровь, осмотрел с ног до головы. Я тоже уставилась на свою испачканную юбку. Кое-где на грязь аппликацией прилипли пожухшие лепестки. Жалкое зрелище... кошмар!

– Кхм-кхм! – Я прочистила горло и попыталась улыбнуться. – Спасибо за помощь,

господин Ярый. Вы уже обжились?

[Купить полную версию книги](#)